

АНДРЕЙ С О В Р Е М Е Н Н Ы Й
Р Б Е С Т С Е Л Л Е Р

ВОРОНИН

СЛЕПОЙ

СМЕРТЬ В ПОДЗЕМКЕ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Смерть в подzemке

«ХАРВЕСТ»

2012

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Смерть в подземке / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2012 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3870-3

В этом остросюжетном романе уже давно полюбившийся читателю генерал ФСБ Потапчук и его лучший, уникальный в своем роде агент по кличке Слепой совершают очередной подвиг (а с их точки зрения, просто выполняют очередное задание) – раскрывают преступление, связанное с крупномасштабной контрабандой якутских алмазов. В процессе операции они не раз подвергаются смертельному риску; Слепому приходится инсценировать ликвидацию генерала Потапчука, а потом и свою собственную смерть. Но из любых, даже самых критических, ситуаций Слепой всегда выходит победителем. И не только благодаря своей силе, ловкости и бесстрашию – не меньшую роль здесь играет его завидная интуиция, острый аналитический ум и даже незаурядный артистический талант. Это задание выполнено, преступники обезврежены. А впереди – новые, не менее сложные задания. И наши герои готовы к их выполнению. Такая у них профессия, работа у них такая...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-3870-3

© Воронин А. Н., 2012
© ХАРВЕСТ, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Воронин
Слепой. Смерть в подземке

© Харвест, 2011

Глава 1

Затяжное сумасшествие, в большинстве своих проявлений неотличимое от того, что должно быть, творится в некоторых уголках ада, и исключительно по привычке именуемое часом пик, мало-помалу шло на убыль. Вдоль скоростных магистралей, превратив прозрачные, ласковые осенние сумерки в пропахшую выхлопными газами глубокую ночь, вспыхнули яркие, оснащенные мощными лампами повышенной интенсивности фонари, на фасадах засверкали разноцветным неоном огни реклам и вывесок. Включились галогенные прожекторы подсветки, выхватив из разом сгустившейся темноты тяжеловесные красоты имперской архитектуры, собственным мягким светом засияли рекламные тумбы на тротуарах и газонах, и полуобнаженные красотки в кружевном белье соблазнительно заулыбались с их выпуклых стеклянных поверхностей.

Над Москвой догорал закат, в ясном небе, окрашенном в нежные вечерние цвета, зажигались первые звезды, но обитатели гигантского людского муравейника могли бы насладиться созерцанием этой нерукотворной красоты лишь в случае масштабной аварии электросетей. Такое уже случалось; мутный купол электрического света, ежевечерне отгораживающий суетный город от вечного сияния звезд, исчезал, но вряд ли хоть кто-то из сидящих перед погасшим экраном телевизора обывателей удосужился подойти к окну и поднять взгляд к небу. Подумав об этом, расположившийся на заднем сиденье стремительно разрезающего море электрических огней представительского «мерседеса» немолодой человек в строгом деловом костюме немедленно припомнил старую восточную поговорку, гласящую, что свинья может увидеть звезды, только если ее хорошенько пнуть в рыло.

Навстречу машине, стремительно сменяя друг друга, неслись ярко подсвеченные рекламные растяжки. «ПОКУПАЙ! ЗВОНИ! ЗАКАЗЫВАЙ! ВКЛАДЫВАЙ! СМОТРИ! СЛУШАЙ!» – взывали они, суля райское наслаждение, фантастические проценты по вкладам, несокрушимое здоровье, идеальную фигуру, ослепительную улыбку и яркую индивидуальность по умеренной цене. Они беззастенчиво лгали, но пассажир черного «мерседеса» не испытывал по этому поводу никаких эмоций – привык, да и сам был не из тех, кто может позволить себе часто говорить правду. Ненормированный рабочий день закончился, впереди ждал тихий вечер, низкокалорийный ужин, любимая книга и навеянный дорогими, не вызывающими привыкания (если верить рекламе) таблетками сон. Так, по крайней мере, думали расположившиеся спереди водитель и охранник – крепкие, спортивные, находящиеся в расцвете сил, прошедшие специальную подготовку профессионалы, с одинаковой легкостью способные решить сложную логическую задачу, снять засевшего на крыше снайпера и в одиночку раскидать десяток морских пехотинцев. Они глубоко заблуждались, но тот, кого они охраняли, не собирался просвещать их по поводу своего дальнейшего времяпрепровождения: несмотря на свои многочисленные достоинства, к информации такого уровня секретности эти ребята просто не имели допуска.

Знакомая дорога была недолгой. Вскоре, миновав путепровод, под которым в мертвенном зеленовато-голубом свете неоновых фонарей поблескивала отполированной сталью рельсов путаница железнодорожных веток, «мерседес» съехал со скоростной шестиполосной магистрали на боковую улицу и с солидной неторопливостью свернул во двор. Свет фар заскользил по выщербленному асфальту и лакированным бортам дремлющих под хозяйскими окнами автомобилей, превратил растущие вдоль дороги кусты в сказочных лохматых зверей, затаившихся перед прыжком. В темной глубине жиденьких дворовых насаждений, при таком освещении казавшихся густыми девственными зарослями, потусторонним фосфорическим огнем сверкнули глаза застигнутой врасплох кошки и сразу же погасли, когда напуганное животное стремглав метнулось прочь, в темноту.

Машина остановилась. Охранник первым выбрался в напоенное запахами увядающей листвы и разогретого за день асфальта тепло сентябрьских сумерек. За ним, не выключая двигателя, вышел водитель и первым делом запустил правую руку за лацкан пиджака, где, прильнув к ребрам, уютно устроилась увесистая наплечная кобура. Оглядевшись по сторонам, охранник пересек подъездную дорожку, набрал, попискивая кнопками, код на цифровой панели домофона и под электронное пение сигнала скрылся в парадном. Притянутая доводчиком железная дверь деликатно лязгнула, сигнал умолк, и в стеклянном окошечке домофона замигала хорошо различимая в темноте красная горизонтальная черта.

Пассажир «мерседеса» терпеливо ждал, глядя на освещенную фарами фигуру водителя с таким же интересом, с каким смотрел бы на придорожное дерево, фонарный столб или любой другой случайно оказавшийся в поле зрения предмет. Он никогда не уделял повышенного внимания обеспечению собственной безопасности, потому что в силу своих профессиональных занятий лучше кого бы то ни было знал: если за дело берется настоящий профессионал, не говоря уже о команде профессионалов, намеченную жертву не спасет никакая охрана. Но порой даже человек, наделенный серьезными полномочиями, вынужден подыгрывать своему окружению, и сейчас был как раз такой случай.

Домофон снова противно запищал, дверь подъезда отворилась, и показавшийся на пороге охранник утвердительно кивнул головой: чисто. Водитель кивнул в ответ и, шагнув к задней дверце, распахнул ее перед пассажиром. Сдержав ворчливое замечание, пассажир выбрался из машины, выпрямился, расправил плечи и привычно провел ладонью по зачесанным назад, обильно припорошенным сединой волосам.

– Спасибо, ребята, – сказал он подчиненным. – На сегодня свободны.

– Спокойной ночи, товарищ генерал, – за двоих попрощался водитель.

Генерал рассеянно кивнул и скрылся в подъезде, держа в правой руке заметно потрепанный матерчатый портфель.

Очувтившись вне поля зрения охранников, он повел себя довольно странно. Вместо того чтобы спокойно пройти к лифту и подняться на свой этаж, он остановился в тесноватом, скудно освещенном тамбуре и, пока суд да дело, вынул из кармана пиджака и, развернув обертку, сунул за щеку мятный леденец – давний, привычный, но, увы, неравноценный заменитель сигареты. Снаружи послышалось мягкое хлопанье автомобильных дверец, тихий шелест работающего на холостых оборотах двигателя перешел в сдержанный бархатистый рык; в забранном фигурной решеткой узком плексигласовом окошке промелькнули окруженные туманным ореолом рубиновые светляки задних габаритных огней, и во дворе стало темно и тихо.

Посасывая леденец, генерал подождал еще немного, а затем выглянул в окошко. Сквозь помутневший плексиглас ему был виден только небольшой пятячок освещенного фонарем асфальта перед крыльцом, парочка припаркованных автомобилей с ритмично разгорающимися и гаснущими внутри синими огоньками охранной сигнализации да черная стена кустов по ту сторону подъездной дорожки. Обзор был ограничен, но его превосходительство, хоть убей, не видел причин, в силу которых подчиненные, получив долгожданный приказ отправляться по домам, стали бы подкарауливать его где-то неподалеку.

Проглотив то, что осталось от леденца, он ткнул пальцем в обведенную светящимся розовато-оранжевым колечком кнопку электронного замка и под пискливое пение домофона вышел из подъезда. Наступающая ночь ласково сомкнула вокруг него свои бархатистые, слегка отдающие горьковатым запахом опавшей листвы объятия. По утрам стало уже по-настоящему прохладно, но сейчас асфальт и бетон еще не успели остыть, и воздух был теплым, как в разгар лета.

Перед тем как сесть за руль припаркованной в тени кустов машины, генерал поднял голову и отыскал взглядом темные окна своей квартиры. В его возрасте редкий чудак сохраняет юношескую тягу к головоломным приключениям и перемене мест. Он не был исключением

из общего правила, и сейчас его помимо воли охватили тоска и раздражение: ну какого дьявола, сколько же можно? Однако уходить на пенсию было рано, а менять профессию поздно; в очередной раз напомнив себе об этом, генерал открыл дверцу своего личного автомобиля и уселся на место водителя.

В темноте вспыхнули тусклые, старомодных очертаний фары, забормотал движок, и немолодая иномарка, шурша покрышками по сухому асфальту и роняя с капота и крыши напавшие за день сухие листья, покатила к выезду из двора.

* * *

Марат до упора завернул оба крана, заставив смолкнуть ровный шум бьющих из никелированной воронки душа тугих горячих струй, и прислушался. Со стороны раздевалки послышался характерный металлический лязг закрывшейся дверцы жестяного шкафчика, удаляющиеся шаги, и наступила тишина, нарушаемая только звонкими шлепками падающих на кафельный пол тяжелых капель конденсата. Под потолком душевой, медленно тая, клубился сырой горячий пар, забранные водонепроницаемыми стеклянными колпаками лампы были окружены лениво шевелящимся туманным ореолом. Марат с сомнением ощупал кончиками пальцев колючий подбородок, но решил, что побреется утром: никаких светских мероприятий на сегодняшний вечер он не планировал, а щетина у него, как у всякого нормального кавказца, росла с такой скоростью, что впору было бриться хоть по четыре раза на дню.

Похлопав ладонями по заросшей густым черным волосом, выпуклой, как наковальня, груди и твердому мускулистому животу, Марат Дугоев снял с крючка махровое полотенце, обернул его вокруг бедер и вышел из душевой. Правой рукой он придерживал полотенце, а левая продолжала рассеянно поглаживать нижнюю челюсть в том месте, где под пальцами ощущалась болезненная припухлость. Этим вечером спарринг-партнер как-то ухитрился пробиться сквозь непроницаемую защиту признанной звезды ринга, и Марату только чудом удалось удержаться на ногах, не лечь носом в пол к ногам зеленого новичка, которого даже после этого удара он воспринимал всего лишь как спортивный снаряд, этакую одушевленную боксерскую грушу.

В раздевалке, превращенной в сумрачный лабиринт параллельными рядами жестяных шкафчиков, было пусто. Электрические часы над входом показывали без четверти десять, последняя тренировка окончилась, и все уже разошлось, только со стороны прохода, ведущего в зал, доносилось размеренное мокрое шарканье швабры в руках уборщика. Где-то в углу гудела и неровно, словно передавая кому-то зашифрованное азбукой Морзе послание, моргала, готовясь перегореть, люминесцентная лампа. Шлепая задниками резиновых сланцев, Дугоев свернул в проход, где располагался его шкафчик, и замедлил шаг, увидев сидящего на гимнастической скамейке невысокого, шупловатого человека в мешковатых синтетических джинсах и светлой матерчатой курточке спортивного покроя. Коротко, по-спортивному остриженные волосы поблескивали в свете лампы, как потускневшее серебро; человек курил, и волнами расходившийся от него горький запах табачного дыма казался особенно резким и неуместным здесь, в святая святых кузницы чемпионов.

Марат подавил вздох. Он надеялся, что хотя бы на этот раз ему удастся избежать взбучки, но не тут-то было: тренер подждал его тут, в раздевалке, явно не затем, чтобы сообщить прогноз погоды на завтра или рассказать свежий анекдот.

– А я думал, что ты нынче решил спать под душем, – ворчливо объявил тренер, дав своему питомцу подойти поближе.

– Не начинай, Ник-Ник, – открывая дверцу шкафчика, попросил Марат. – Я сегодня здорово устал.

– С чего бы вдруг? – преувеличенно изумился тренер и, глубоко затянувшись сигаретой, с силой выдул дым в сторону лампы. – Вот не знал, что спать с открытыми глазами – такое утомительное занятие!

Уходя от неприятного разговора, Марат набросил на голову полотенце и так ожесточенно заработал обеими руками, словно хотел не высушить волосы, а удалить их все до единого вместе с луковицами. Под лоснящейся мокрой кожей перекатывались могучие узлы тренированной мускулатуры, с левого плеча грозно скалил зубы черный барс – зверь, имя которого уже третий год служило Марату Дугоеву прозвищем. «В красном углу ринга Черный Барс Марат Дугоев, Россия!» – нараспев объявлял рефери, и зал взрывался приветственным ревом...

– ...Баба, – вместо рева трибун услышал он, выставив из-под полотенца правое ухо. – Если будешь так же драться с тегасцем, о чемпионском поясе лучше сразу забыть – тебе больше пойдет передник.

– Ты мне еще чадру предложи примерить, – буркнул из-под полотенца Марат.

– Заметь, это не я, это ты сам сказал, – фыркнул тренер. – И нечего на меня зыркать! Зыркать надо было на ринге, и не на меня, а на партнера... Ну что с тобой? Ты же был в отличной форме! Еще неделю назад тебя можно было выпускать против кого угодно, а сегодня... тьфу!

Дугоев повесил на дверцу влажное полотенце и принялся одеваться. На заросших густой колючей щетиной скулах под смуглой кожей играли желваки: Ник-Ник говорил чистую правду, но звучала она обидно, и сдерживаться, не реагировать на больно царапающие самолюбие слова было трудно.

– У меня семья, – продолжал тренер, – внук только-только ходить начал, самое время его к спорту приобщать... да и вообще мировой парень, как увижу его – душа радуется. Но еще одна такая тренировка, и мне придется переехать к тебе. Есть у меня подозрение, что ты больше думаешь о коньяке и бабах, чем о том, как побить тегасца. Совсем ты, милоч, зазнался, спортивный режим уже не для тебя. В результате имеем то, что имеем: мальчишка, сопляк, без году неделя на ринге, подошел и навесил тебе по сопатке, да так, что ты едва ногами не накрылся. Признавайся, опять до утра в клубе зависал? Может, ты и кокаином баловаться начал?

– Хватит, – сквозь зубы попросил Марат, резким рывком затягивая «молнию» на джинсах. – Я просто устал, при чем тут кокаин и бабы?

– Это меняет дело, – неожиданно спокойным, умиротворенным тоном произнес Ник-Ник. – Тогда я звоню в Штаты и говорю им, что мы отказываемся от участия в бое... скажем так, по состоянию здоровья. Поражение нам гарантировано так и так, зато хоть кости будут целы, да и позориться не придется.

Дугоев застыл в странной позе, с головой, просунутой в ворот майки, и одной рукой в рукаве.

– Не говори так, – медленно произнес он, – не надо.

– А то что? – пренебрежительно поинтересовался тренер. – Ударишь? Попробуй! Я старый больной человек, но ты сейчас в такой форме, что даже я могу вздуть тебя, как мальчишку. Тоже мне, чемпион! На старика в раздевалке с кулаками лезть любой дурак может. Ты на ринге себя покажи!

– Покажу, – одернув майку, пообещал Марат. – Не беспокойся, Ник-Ник, завтра я буду в норме.

Он как попало затолкал в спортивную сумку влажное от пота трико и перчатки. Наблюдая за его излишне резкими, порывистыми движениями, пожилой тренер озабоченно хмурился. Потом его вдруг осенило.

– Постой, – сказал он. – Тебе что, опять звонили?

– Не хотел тебе говорить, – застегивая сумку и глядя в сторону, проворчал Марат. – Клянусь, найду – убью, как шелудивого пса!

– А что сказали?

– Э, что сказали! Много чего сказали, не хочу повторять. В лицо такое не сказали бы, побоялись, а по телефону не страшно... Слушай, кто эту дрянь придумал, кто изобрел?

– Какую дрянь?

– Телефон, слушай, какую же еще?!

Ник-Ник вздохнул.

– Белл, – сказал он. – Был в Америке такой инженер.

– Конечно, – с горечью кивнул головой Дугоев, – конечно, в Америке, где же еще! Все зло в мире оттуда. Телефон, Интернет, атомная бомба...

– В Интернете тоже? – мигом вычленил главное бывалый и неглупый Ник-Ник.

– Конечно, а ты как думал? Ненавижу эту информационную помойку! Раньше гадости писали на заборе, теперь в Сети... Это даже удобнее: можно не бояться, что поймает случайный прохожий или милиционер.

Ник-Ник рассеянно растер окурок по полу подошвой и сейчас же закурил снова, вряд ли осознавая, что делает и какой пример подает своему воспитаннику. Впрочем, думать о дурных или, напротив, благих примерах в данном случае было, пожалуй, поздновато: претенденту на звание чемпиона мира по боям без правил Марату Дугоеву по кличке Черный Барс шел уже тридцатый год, и он не хуже своего наставника знал, откуда берутся дети.

– Опять угрожали? – спросил тренер.

– В общем, да, – неохотно признался Дугоев. – Спросили, готов ли я к встрече с Аллахом. И напомнили, что упасть с шинвата – значит изжариться. Какая просвещенная сволочь, слушай! Знает, что такое шинват!

– Это даже я в общих чертах знаю, – заявил Ник-Ник. Дугоев с лязгом захлопнул и запер шкафчик, и тренер легко, как молодой, поднялся с низкой гимнастической скамейки. – Это такой мост, верно? Когда правоверный умирает, его душа идет в рай по этому мосту. Грешник непременно сорвется и упадет вниз, в пропасть, на дне которой находится ад... Правильно?

– Более или менее, – подхватывая с пола сумку, признал Дугоев. – Как ты сам сказал, в общих чертах. Откуда знаешь, э?

– Рассказывал один начитанный человек, – сказал тренер. – Это я к тому говорю, что совсем необязательно быть знатоком Корана, чтобы нахвататься разных словечек и поговорок. Упасть с шинвата... Интересно, на что это он намекал? На какие такие грехи?

– Знал бы – сказал, – буркнул Марат. Он забросил ремень сумки на плечо и бок о бок с тренером двинулся к выходу. В коридоре гремел ведром уборщик, из душевой все еще слышался редкий стук капель. Снаружи донесся приглушенный мяукающий вой сирены «скорой помощи». – Да и кто из смертных может похвастать тем, что ни разу не согрешил?

– Ты все-таки подумай, – настойчиво произнес Ник-Ник. – Мне твоя исповедь нужна, как белке калькулятор, но дыма без огня не бывает. Так настойчиво донимать человека угрозами может либо враг, либо какой-нибудь псих. Враги сами собой, ниоткуда, не появляются, для ненависти должна быть причина, и, если это враг, ты можешь его вычислить, просто подробно припомнив, кому, когда и чем насолил.

– А если это псих?

– С психом сложнее, – признал тренер, – его просто так, на пальцах, не вычислишь. Но и психа можно отловить. Тебе сейчас надо думать только о тренировках... ну и быть осторожным, конечно. А после прохождения паспортного контроля в аэропорту об этих звонках можно будет хотя бы на время забыть: редкий враг, не говоря уже о чокнутом охотнике на знаменитостей, может позволить себе поехать за тобой в Америку. А когда вернешься оттуда чемпионом, все будет уже по-другому. В первую очередь это касается размеров твоего банковского счета. С чемпионскими гонорарами ты сможешь позволить себе нанять хоть роту охранников, и никакой псих тебя не достанет – руки коротки.

Оснащенные фотоэлементами стеклянные двери вестибюля почти беззвучно разъехались в стороны, выпустив их на ярко освещенное крыльцо спортивно-развлекательного центра. Вокруг стеной стояла рано сгустившаяся темнота, по контрасту с сиянием мощных ламп казавшаяся непроницаемо-плотной, как тяжелый бархатный занавес, расшитый множеством блесков: неровными цепочками освещенных окон, яркими точками фонарей и слепящими, движущимися пятнами света автомобильных фар.

– Я не привык бегать от врага, – продолжая начатый разговор, упрямо произнес Дугоев. – Врага надо встречать лицом к лицу, с гордо поднятой головой!

– Это если враг такой же чудило, как ты, – слегка остудил воинственный пыл гордого кавказца повывавший виды тренер, – и захочет встретиться с тобой лицом к лицу. Если б было так, вы бы уже давным-давно разобрались, кто из вас круче: он не стал бы доставать тебя звонками и электронными посланиями, а просто подошел бы и дал в табло. Он тебе, ты ему, и разошлись бы полюбовно: один на больничную койку, другой на нары... Ладно, тут ничего не попишешь, придется разбираться. Я поговорю с нужными людьми, а ты перестань забивать себе голову ерундой и сосредоточься на тренировках. У тебя квалификационные бои на носу, тебе некогда на телефонных хулиганов злиться. Ты меня понял? Услышал?

– Конечно, Ник-Ник, уважаемый, – рассеянно, не то думая о чем-то своем, не то к чему-то прислушиваясь, откликнулся кавказец. – Все слышал, все понял, не буду злиться, буду работать, клянусь! Мы этого тыхасца сделаем, отвечаю! Вылечится – поедет обратно в свои прерии коров пасти. Что еще делать инвалиду на пенсии?

– Ну-ну, – одобрительно, но с легким оттенком сомнения произнес тренер, и в эту секунду из-за угла с ревом выскочила и, пронзительно взвизгнув покрывками, остановилась напротив крыльца белая «шестерка».

– Вот, пожалуйста: самый натуральный псих, – убежденно прокомментировал свойственную водителю данного транспортного средства манеру езды Ник-Ник. – И кто таким права выдает?

Пока он говорил, тонированное заднее окно пожилого «жигуленка» открылось, из погруженного в темноту салона высунулась рука, в которой блеснул вороненым металлом какой-то продолговатый предмет. Сверкнула короткая оранжевая вспышка, хлестко ударил выстрел, и поляризованное дверное стекло за их спинами с ужасающим грохотом и звоном разлетелось на куски.

Стоявшие на крыльце инстинктивно присели; пистолет выстрелил снова, пуля разбила одну из вмонтированных в бетонный козырек крыльца галогенных ламп, осыпав их головы мелкой стеклянной трухой, и «шестерка», дико взревев слабосильным изношенным двигателем, сорвалась с места.

– Стой! Стой, дурак, куда тебя несет?! – закричал Ник-Ник, хватая за куртку бросившегося в погоню Дугоева.

Марат не ответил – он только рычал, как настоящий хищник, и удерживать его было все равно что пытаться остановить самосвал, вцепившись руками в задний борт. Высвободившись из захвата, он в два прыжка слетел по ступенькам крыльца, на бегу нажал кнопку на брелоке, разблокировав центральный замок своей машины, и рывком распахнул дверцу. Черный Барс ездил на спортивном «ниссане» – автомобиле не самом модном, престижном и дорогом, но достаточно быстром, чтобы догнать кого угодно, если только этот кто-то не является профессиональным автогонщиком.

О том, что будет, когда погоня завершится, оставалось только гадать; приходившие в голову догадки все, как одна, носили самый мрачный характер. Старый тренер тихо взялся руками за голову и зажмурился изо всех сил: то, что еще минуту назад обещало стать наивысшим пиком его профессиональной карьеры, прямо на глазах превращалась в глубоченную яму с дерьмом. Когда стремительный, как управляемый ракетный снаряд, «ниссан» настиг-

нет вазовскую телегу (а он настигнет, потому что тонированные стекла и титановые колесные диски, установленные на упомянутый инженерно-технический раритет, никоим образом не влияют на скорость движения), без пяти минут чемпион мира превратится либо в труп, либо в калеку, либо в фигуранта уголовного дела о нанесении тяжких телесных повреждений, а может быть, и об убийстве.

– А, чтоб вы сдохли, шакалы! – донесся с автомобильной стоянки полный бессильной ярости вопль Дугоева. – Я вас найду, клянусь!

Ник-Ник осторожно открыл глаза и отыскал взглядом своего подопечного. Марат Дугоев стоял около открытой дверцы «ниссана», грозя кулаком вслед уехавшей «шестерке». Приземистый спортивный автомобиль показался тренеру каким-то уж чересчур приземистым, и, приглядевшись, он понял, в чем дело: низкопрофильные бескамерные покрышки колес были проколоты все до единой, и машина почти касалась днищем асфальта. Погоня, таким образом, отменилась сама собой, и у Ник-Ника немного отлегло от сердца.

Переведя дух, он вытряхнул из заменяющей прическу коротенькой седой стерни стеклянный мусор, закурил новую сигарету и стал спускаться с крыльца, слыша, как позади, в вестибюле, орет в телефонную трубку, вызывая полицию, перепуганный до полусмерти охранник.

Глава 2

Ведя машину по полупустому в этот час Кутузовскому проспекту, пожилой генерал вдруг ощутил мальчишеское, давно забытое желание вдавить педаль газа в пол и посмотреть, что будет. Он без особого труда справился с собой, потому что точно знал: ничего хорошего из этого не выйдет. Рефлексы у него уже не те, что прежде, зрение потеряло остроту, сердчишко пошаливает, да и к чему эти детские игры в ночных гонщиков, если адреналина ему хватает и без них? При своей работе он может, даже не вставая из-за письменного стола, испытать ощущения, острота которых даже не снилась любителям экстремальных видов спорта. Да и сейчас он, прямо скажем, не в бирюльки играет и не вышивает крестиком картину Шишкина «Утро в сосновом лесу», и какой-нибудь покоритель горных вершин или попрыгун с парашютом на его месте давно навалил бы полные штаны и запросился домой, к маме. А он – ничего, едет себе как ни в чем не бывало и даже, видите ли, испытывает желание ехать чуточку быстрее. Как будто и впрямь боится опоздать...

Поймав себя на этих хвастливых размышлениях, генерал сердито фыркнул, нашарил в кармане еще один леденец, развернул, сунул скомканную бумажку в пепельницу под приборным щитком и, причмокивая, попытался сосредоточиться на деле. Это у него получилось не так чтобы очень. В последнее время на него все чаще накатывали мутные волны сомнений в правильности избранного пути, в том, что из дела всей его жизни когда-либо выйдет хоть какой-нибудь толк. Дурные люди – как сорная трава: сколько ни рви, меньше все равно не становится, и последнее слово в конечном итоге всегда остается за ней.

Вот сейчас, например, он с риском для карьеры и жизни пытается перекрыть канал контрабандных поставок якутских алмазов за границу. Спрашивается: зачем? Чтобы изловить шайку воров и контрабандистов? Так ведь то, что не успел стащить один ворюга, уже назавтра стибрит другой. Стибрит и даже спасибо не скажет дорогому товарищу генералу, который дал ему такую отличную возможность набить кошелек за казенный счет. Риск для карьеры и жизни – ерунда, потому что рисковать-то особо и нечем. Жить ему осталось не так долго, чтобы из-за этого куцевого остатка стоило сильно волноваться, а в карьере, учитывая возраст и репутацию упряма и смутьяна, он уже давно достиг потолка, выше которого путь заказан. Денег ему эта авантюра не сулит – он по инерции хранит верность устаревшему принципу: «Я мзду не беру, мне за державу обидно»; новые ордена ему не нужны, да и не будет их, орденов, потому что державе в лице тех, кто ею управляет – вернее сказать, заправляет, – наплевать с высокого дерева и на его старания, и на результат этих стараний, и на него самого. Так на кой ляд он этим занимается, чего, кроме неприятностей, рассчитывает добиться?

Он с невеселой усмешкой покачал головой. Старость – не самое подходящее время для поисков смысла жизни. В его возрасте люди живут по инерции – не живут, а доживают, кое-как продолжая делать то, что делали всю жизнь. Что-то менять в этом возрасте поздно; это время потерь и вынужденного отказа от большинства привычных удовольствий, а не приобретений и новых начинаний. «Вот и живи по инерции, – мысленно сказал он себе, – делай то, что умеешь, и старайся не напортачить. А был в этом смысл или нет, рассудит история. Кабы все так рассуждали: дескать, да какой в этом смысл, чего ради я стану корячиться, – мы б до сих пор на деревьях жили...»

Он знал, что ни с кем и никогда не поделится этими мыслями. Наверное, нечто подобное рано или поздно приходит в голову каждому, кто вообще способен думать на отвлеченные темы, но все помалкивают: что толку попусту молоть языком? Бессмысленно обсуждать и тем более осуждать то, чего не можешь изменить. Но поделиться с кем-нибудь хочется, и чем дальше, тем сильнее. Наверное, именно поэтому раньше люди вели дневниковые записи и

корпели над мемуарами, а нынче, спрятавшись за бессмысленными никами, несут разнузданную чушь на интернет-форумах...

Задумавшись о вещах, не имеющих прямого отношения к интересующему его делу, генерал едва не проехал нужный поворот. Спыхватившись в последнее мгновение, он резко вывернул руль, опасно подрезав шедший за ним в крайнем правом ряду микроавтобус. Возмущенный гудок клаксона засвидетельствовал тот факт, что водитель микроавтобуса по достоинству оценил этот смелый маневр.

– Сам ты би-би, – смущенно проворчал генерал, немного чересчур быстро загоня машину в узкий сводчатый тоннель арки, что, пронзая толщу старого, сталинских времен, восьмиэтажного дома, вела в заросший высокими липами и оттого кажущийся особенно темным двор.

Он медленно повел ее по разлинованному полосами света и тени, пятнистому от влаги асфальту, высматривая место для парковки. Мест не было, машины стояли бампер к бамперу по обеим сторонам проезда, забравшись на бордюры, так что, проезжая между ними, слегка отвыкший от самостоятельного вождения генерал побаивался зацепиться боковыми зеркалами. Он поравнялся с нужным подъездом, выжал сцепление и притормозил, в нерешительности глядя перед собой. Вереницы припаркованных справа и слева от проезда автомобилей неровными сплошными цепочками уходили вдаль, теряясь в темноте.

– Вам же хуже, – бросил понятную ему одному реплику его превосходительство, заглушил двигатель и дисциплинированно затянул ручной тормоз.

Подумав, он заодно для надежности воткнул первую передачу, спыхватившись, погасил фары и вышел из машины. Снаружи все еще было тепло, но воздух уже начал остывать. Откуда-то налетел легкий ветерок, забрался холодными пальцами под одежду, пощекотал бока, заставив кожу покрыться зябкими мурашками. Генерал поежился, запер машину, опустил ключ в карман пиджака и направился к подъезду, неся в левой руке портфель, а правой шаря по карманам в поисках ключей от входа.

Тощая связка обнаружилась в кармане брюк. Генерал отпер железную дверь подъезда, приложив чип-ключ к контакту электронного замка, и вошел в пахнувший чьим-то подгоревшим ужином полумрак. Из-за дверей квартир доносились мирные вечерние звуки: бормотание телевизора, музыка, людские голоса, детский плач. Где-то наверху лаяла собака – судя по противному визгливому голосу, мелкая, комнатная, из тех, от кого больше хлопот и неприятностей, чем удовольствия, не говоря уже о пользе. Кнопка вызова лифта не горела, на дверях висело отпечатанное на принтере объявление: «Извините, лифт временно не работает». Мысленно отдав должное непривычной вежливости варваров, оставивших восьмиэтажный жилой дом без лифта, генерал начал неторопливое восхождение по лестнице.

Однокомнатная конспиративная квартира, где он изредка встречался с агентами, располагалась на шестом этаже. Там же в тщательно замаскированном сейфе его превосходительство время от времени хранил материалы по текущим делам – не все, а только самые важные, не предназначенные для посторонних глаз. Паранойя – друг чекиста, любил повторять один его хороший знакомый. В этой горькой шутке содержалась изрядная доля правды, но соль тут была не в одной только мании преследования. За долгие годы службы генерал частенько сталкивался с предательством, а в последние десятилетия предательство ради денег из позорного исключения превратилось едва ли не в норму. В данном конкретном случае речь шла о крупномасштабной контрабанде алмазов – то есть об огромных деньгах. Стало быть, и вероятность предательства была чересчур велика, чтобы хранить материалы по этому делу в своем служебном кабинете. Береженого Бог бережет; когда придет время, эти материалы, надлежащим образом оформленные, лягут на широкий, как летное поле военного аэродрома, письменный стол из ценных пород дерева – чей именно, станет ясно, когда клубок размотается до конца.

А пока что пусть полежат тут, в норе, о которой не знает ни одна живая душа, кроме особо доверенных, не раз доказавших свою преданность делу лиц...

Поскольку дом строился во времена, когда архитекторы еще не научились экономить на высоте потолков, лестницы тут были достаточно крутые, чтобы вызвать одышку даже у более молодого человека, чем давно перешагнувший порог пенсионного возраста генерал. На площадке между четвертым и пятым этажом он остановился, чтобы отдохнуть и восстановить дыхание. Мысли об алмазах, деньгах и предательстве вызвали вполне прогнозируемую реакцию: переложив портфель в левую руку, генерал запустил правую за лацкан пиджака и привычным движением пальцев отстегнул язычок наплечной кобуры. Прикосновение к теплому от соседства с телом гладкому металлу и ребристой пластмассе удобно изогнутой рукоятки, как обычно, помогло успокоиться, хотя он отлично понимал, что скакать через три ступеньки, паля из пистолета, ему, генералу и, в конце-то концов, пожилому человеку, смешно, глупо и где-то даже неприлично.

Передохнув, он продолжил восхождение, утешая себя тем, что осталось совсем немного. Увы, путь оказался еще более коротким, чем предполагал его превосходительство: едва он миновал пятый этаж и начал штурм последнего лестничного марша, дорогу ему неожиданно преградил какой-то человек, одетый и экипированный, как персонаж шпионского боевика или псевдофантастического сериала наподобие «Секретных материалов». Такое впечатление он производил с первого взгляда; присмотревшись, генерал понял, что вызвано оно миниатюрной видеокамерой, с помощью эластичного ремня укрепленной на голове данного персонажа чуть повыше правого виска. Вмонтированный в камеру светодиодный фонарик был включен, слезя глаза нестерпимо ярким, узким белым лучом. В остальном повстречавшийся его превосходительству человек был одет вполне обыкновенно, а именно в мотоциклетную кожаную куртку, изобилующую металлическими пряжками, заклепками и застежками-«молниями», и черные джинсы, заправленные в высокие ботинки натовского военного образца. На руках у человека были тонкие кожаные перчатки, а на переносице, скрывая глаза и пребывая в явном противоречии с включенным фонариком камеры, поблескивали темные солнцезащитные очки.

Но самой примечательной деталью его гардероба были даже не они, а большой черный пистолет с длинным глушителем, который человек держал стволом вниз в правой руке. Генерал машинально отметил, что это «стечкин»; его рука, действуя как бы по собственной воле, метнулась к левому лацкану пиджака, хотя было без дополнительных разъяснений понятно, что он не успеет – просто не может успеть.

Но он успел – ну, или почти успел. Пистолет, вопреки его опасениям, ни за что не зацепился там, за пазухой, и вышел из кобуры как по маслу. Поднимая его на уровень глаз, генерал большим пальцем сдвинул кнопку предохранителя и взвел курок. Выстрел, которого он ждал все эти мучительно долгие доли секунды, почему-то задерживался; наемный убийца медлил, сверху вниз тарача на генерала темные линзы очков.

– Ишь ты, – насмешливо произнес он, увидев, как поднимается, нацеливаясь ему в лицо, ствол генеральского пистолета, и только после этого наконец вскинул «стечкин» и спустил курок, проделав это с быстротой и точностью, свидетельствующими об очень богатом опыте.

Раздался негромкий хлопок, по ступенькам, курясь кислым пороховым дымком, с дребезжащим звоном запрыгала стреляная гильза. Генерал пошатнулся, теряя равновесие, выронил портфель и, чтобы не упасть, навалился всем телом на перила, вцепившись в них обеими руками. Он попытался снова поднять пистолет, но убийца еще трижды выстрелил в него с расстояния, исключаящего возможность промаха.

Выпавший из разжавшихся пальцев СПС глухо лязгнул о бетон, руки убитого соскользнули с перил, генерал сполз на ступеньки, медленно, будто нехотя, скатился по ним и замер на выложенной шероховатой метлахской плиткой лестничной площадке.

* * *

Мент был болезненно худой, с бледной костистой физиономией, к которой словно прикипело выражение терпеливой, скучающей скорби. Он сидел за перегородкой из толстого стекла, на вид казавшегося пуленепробиваемым, и со сводящей с ума медлительностью карябал шариковой ручкой по бумаге, время от времени прерывая это важное занятие, чтобы ответить на телефонный звонок. На стекле было написано: «Дежурная часть»; внутри отгороженного барьером обширного помещения, заставленного электронной аппаратурой, которая вряд ли казалась чудом современной техники даже в начале восьмидесятых годов прошлого века, лениво, как сонные рыбы в аквариуме, передвигались, зевая и почесываясь, другие менты – когда два, когда три, а порой и ни одного.

За спиной у Николая Николаевича, как тигр в клетке, расхаживал из угла в угол Марат Дугоев – целый, невредимый, без единой царапины, но раздраженный и злой как черт – вернее, как соплеменный ему шайтан. Было уже полпервого ночи, спортивный режим летел вверх тормашками прямо в тартарары, и, вспоминая состоявшуюся непосредственно перед неудачным покушением воспитательную беседу в раздевалке, Ник-Ник думал, что в смысле сохранения спортивной формы ночной клуб, пожалуй, был бы предпочтительнее. Пусть бы парень не спал до самого утра, пил, курил, выкладывался на танцполе, а потом кувыркался с бабой – да хоть бы и с двумя, если здоровья хватает! Ощутимой пользы ему это не принесло бы, но вреда точно причинило бы куда меньше, чем вся эта бодяга. После такой встряски об утренней тренировке лучше забыть, да и о вечерней, наверное, тоже. Загнать парня в зал – не вопрос, сам пойдет как миленький, но какой от него в таком состоянии будет толк? То-то, что никакого; он сам это понимает, и оттого-то, наверное, больше всего и бесится...

Дописав последнюю строчку, он перечитал заявление, сделал пару мелких исправлений, а потом поставил число и подпись.

– Написали? – не поднимая головы и продолжая что-то выводить ручкой по невидимой из-за барьера бумаге, хмуро и безразлично осведомился мент. На погонах у него виднелись облезлые до тусклого алюминия майорские звезды, и у Николая Николаевича вдруг возникла труднообъяснимая, но твердая уверенность, что этот хмырь ничего там не пишет, а просто разгадывает кроссворд или водит ручкой по воздуху, имитируя бурную трудовую деятельность. – Давайте сюда. – Он принял просунутый Ник-Ником в окошко листок заявления, бегло его просмотрел и поднял на заявителя сонный, недовольный взгляд. – А почему не указали номер машины, из которой стреляли?

– А паспортные данные того, кто стрелял, тебе не нужны, уважаемый? – внезапно подскочив к барьеру, с едва сдерживаемой яростью поинтересовался Дугоев. – Не было на ней номера, слушай! Совсем не было. Вы милиция...

– Полиция, – невозмутимо поправил майор.

– Да хоть гестапо! – окончательно распоясался вспыльчивый кавказец. – Номера машины вам напиши, бандита сам поймай... только не помни нечаянно, а то сам вместо него сядешь!

– Это непременно, – подтвердил майор. – За дебош в дежурной части и оскорбление сотрудника при исполнении тоже, между прочим, на нары можно загреметь.

Хорошо зная своего подопечного, опытный тренер без труда представил, что может произойти дальше. Слово за слово, и майор от угроз перейдет к действиям, здесь появится парочка сержантов, и вот тогда-то Черный Барс, который, похоже, только того и ждет, покажет себя во всей красе, заработав уже не десять суток, а сколько-то лет – сколько именно, зависит от того, как быстро менты сообразят, что надо уносить ноги.

В любом случае о поездке в Соединенные Штаты и схватке за чемпионский титул придется забыть; это будет крах – не только карьерный, но и финансовый, поскольку в этого кавказского забияку Николай Николаевич вложил практически все, что у него было.

– Тихо, тихо, – беря Марата за рукав и почти силой отгаскивая от пуленепробиваемой стеклянной клетки, в которой в данный момент находились целых четыре заинтересованно наблюдающих за происходящим мента, сказал он, – успокойся, не кипятись. Извините, – с просительной улыбкой обратился он к майору, – парень перенервничал. У него чемпионат мира на носу, тренироваться надо днем и ночью, напряжение, сами понимаете какое, а тут еще и это...

– Спортсмен, что ли? – поверх головы низкорослого тренера разглядывая Черного Барса, который, повернувшись к нему спиной и засунув руки в карманы, набычившись, сверлил яростным взглядом выкрашенную масляной краской стену, спросил майор. – Борец, наверное?

– Боями без правил не интересуетесь? – сказал Ник-Ник. – Это же Марат Дугоев – Черный Барс!

– Да ладно! – изумился мент. – Погодите, погодите... – Он снова заглянул в составленное Николаем Николаевичем заявление. – А вы, стало быть, его тренер? Николай Безродный? Так я ж вас помню! Вы у нас занятия по рукопашному бою проводили! Самбо там, дзюдо...

– Было дело, – сдержанно кивнул Ник-Ник.

Он не очень любил вспоминать тот период своей жизни, как, впрочем, почти все, что было с ним до сорока пяти лет. Фамилию Безродный ему дала какая-то лишенная проблесков фантазии тетка в детском доме – вернее, в доме ребенка, куда он попал после того, как его в месячном возрасте подкинули на ступеньки больницы в захолустном райцентре. В детдоме, где он воспитывался до окончания средней школы, ему приходилось несладко. Там, как в темном лесу, прав был тот, кто сильнее, а он уродился мелким и хилым, так что доставалось ему крепко. Именно поэтому, когда приехавший в райцентр по распределению выпускник института физкультуры открыл в городе секцию бокса, одиннадцатилетний Колька Безродный был одним из первых, кто в нее записался. Отработав положенный по закону срок, тренер уехал; секция распалась, а через месяц вместо нее в том же подвальном зале открылась секция самбо.

В боевых единоборствах Николай, кажется, нашел себя – во всяком случае, способности к этому делу у него были. Правда, мировых высот в большом спорте он не достиг – потому, наверное, что сильно разбрасывался, переходя от самбо к вольной борьбе, от вольной борьбы к дзюдо, а от дзюдо – к другим, более экзотическим видам боевых искусств. Когда в Советском Союзе запретили карате, он приобрел первый опыт подпольных занятий спортом; следующим шагом стало участие в боях без правил, и здесь он тоже был одним из тех, кто первым вышел на ринг. Его ловили, штрафовали, грозились посадить и однажды чуть было действительно не посадили; у него отобрали добытое потом и кровью звание заслуженного мастера спорта и запретили участвовать в официальных соревнованиях. В середине девяностых он, уже вышедший в тираж по возрасту, давал уроки столичной братве – солнцевским, люберецким и прочим быкам; к концу десятилетия его пригласили на работу спохватившиеся – как всегда, запоздало – «внутренние органы». Позже он тренировал офицеров ФСБ – без особого энтузиазма, ибо испытывал против этих «рыцарей плаща и кинжала» не менее стойкое предубеждение, чем против милиции, но добросовестно, потому что не умел работать спустя рукава, да и заведенные по ходу тренировочного процесса знакомства впоследствии могли оказаться весьма и весьма полезными.

Немного окрепнув в финансовом отношении и обзаведясь наконец приличным социальным статусом, он ушел на вольные хлеба, взявшись выковывать из талантливых уличных драчунов будущих чемпионов. При грамотном подходе дело это оказалось достаточно прибыльным; теперь Николай Николаевич ездил по Москве на новеньком японском пикапе и проживал в элитном многоэтажном доме, соседствуя с богатыми бизнесменами, думскими

депутатами, знаменитыми спортсменами и звездами шоу-бизнеса, в большинстве своем оказавшимися теми еще козлами (какое открытие, кстати, Ник-Ника нисколько не удивило).

С высоты его нынешнего положения месяцы, проведенные в спортивном зале московского ГУВД в обнимку с обильно потеющими, пытящими и сопящими капитанами и майорами, смотрелись достаточно убого. Но из песни слова не выкинешь – что было, то было, тем более что в данном конкретном случае посеянные почти полтора десятка лет назад семена, похоже, готовы были дать вполне приемлемые плоды.

– Это ж надо, как тесен мир! – обрадованно воскликнул майор, слегка просветлев лицом. – Значит, теперь чемпионов тренируете?

– Чемпиона, – поправил Безродный. – Я не жадный, мне одного с головой хватит.

– Понимаю, понимаю, – бросив быстрый взгляд в сторону Дугоева, с ироническим оттенком произнес майор. – Что ж, не стану вас задерживать. Заявление ваше я зарегистрирую по всем правилам, можете не волноваться. Телефон... – Он снова заглянул в заявление. – Телефон свой вы указали, вас вызовут для дачи показаний... Так что можете отправляться домой.

– Минуточку, – попросил Ник-Ник и, обернувшись к Дугоеву, сказал: – Подожди меня снаружи, только никуда не уходи.

– Куда я пойду пешком, э? – буркнул тот и, безнадежно махнув рукой, покинул помещение.

Безродный снова повернулся к майору, положил локти на барьер и, нагнувшись к окошечку, загороженному изнутри прозрачным щитком, просительно произнес:

– Слушай, командир, тут такое дело... Ну, ты же понимаешь! Впереди ответственный бой, к началу которого он у меня должен быть как огурчик.

– А чем я могу помочь? – удивился мент.

– Да я про журналистов, – с досадой уточнил Ник-Ник. – Если пронюхают про эту историю, житья парню не дадут, его через неделю впору будет не на ринг, а в психушку отправлять. Как бы все устроить так, чтобы эти гиены ничего не узнали?

Майор снова поскущел и задумчиво потерев кончик длинного хрящеватого носа.

– Н-ну-у, я даже и не знаю... Покушение на жизнь чемпиона России по боям без правил – это ж, можно сказать, сенсация...

– Факт, – подтвердил Ник-Ник, запуская руку во внутренний карман куртки и доставая оттуда бумажник в знак того, что правильно понял намек. – В другое время я б им за такой пиар еще и приплатил бы. Но нам сейчас нужен не их вонючий пиар, а чемпионский пояс, который эти шакалы могут помешать добыть. Ему нужен покой и полная сосредоточенность, он сейчас как космонавт перед полетом, какие тут журналисты, какие сенсации! Ты подумай, майор, от тебя сейчас, можно сказать, престиж страны зависит! Вот интересно, а сколько они тебе могли бы заплатить за информацию?

Майор снова задумчиво потерев кончик носа, возвел взор к потолку, а потом назвал вслух сумму, которая, вероятно, была начертана там, на потолке, видимыми ему одному и незримыми для всех остальных письменами.

Не без труда сдержав изумленный возглас и даже умудрившись сохранить невозмутимое выражение лица, Николай Николаевич отсчитал деньги, а затем, памятуя о том, с кем имеет дело, разыграл маленький спектакль: достал блокнот, вырвал из него листочек, сделал вид, будто что-то на нем пишет, обернул им деньги и протолкнул в окошко со словами:

– Вот здесь еще один телефон, по которому меня можно найти, – так, на всякий пожарный случай.

Майор бросил на листочек беглый взгляд, на ощупь оценил толщину того, что было им обернуто, спрятал его в карман, кивнул и изрек:

– Да вы не беспокойтесь насчет журналистов. Я их сам не люблю и сроду с ними не сотрудничал: деньги деньгами, гласность гласностью, а интересы следствия надо блюсти!

– Очень правильная позиция, – даже не улыбнувшись, со значительным видом кивнул Ник-Ник. – И еще один вопрос. Я понимаю: как говорится, нет тела – нет и дела. Но и вы поймите: не хотелось бы, чтобы за месяц до финального боя у меня на руках вместо претендента на звание чемпиона оказался покойник. Ему бы охрану выделить, что ли...

Он сделал красноречивое движение бумажником, но майор отрицательно покачал головой. Это свидетельствовало о его относительной порядочности: по крайней мере, он обещал только то, что действительно мог сделать.

– Это не ко мне, – честно сообщил он. – Обратитесь к начальнику. Утром приходите, его кабинет на втором этаже. Сомневаюсь, конечно, людей у нас и так не хватает, но попытка не пытка. А лучше отправляйтесь прямо в главк, на Петровку, – может, там повезет.

Распровавшись с дежурным, который в ответ на его вежливое «до свидания» буркнул что-то нечленораздельное, Николай Николаевич вышел на крыльцо отделения. Дугоев дисциплинированно дожидался его, наслаждаясь видом на вытопанную клумбу и дремлющий под фонарем сине-белый «уазик». При этом он злостно нарушал спортивный режим, куря сигарету. Приблизившись, Ник-Ник первым делом аккуратно вынул окурок у него изо рта и выбросил в стоящую у входа урну, после чего закурил сам.

– Я вижу, насчет Америки ты передумал, – мягко заметил он, следя за прихотливыми извивами подсвеченного ртутной лампой табачного дыма в неподвижном ночном воздухе.

– Просто этот мент мент взбесил, – без необходимости сообщил очевидный факт простодушный, как все истинные спортсмены, кавказец. – Никого они не станут искать. А если станут, то не найдут. Они без навигатора собственную ширинку найти не могут, я на них досыта насмотрелся и дома, и тут, в Москве.

– Ну, вдруг им повезет, – сказал Безродный. – Ты об этом не думай, сынок, у тебя свои дела, у них – свои. Тебе тренироваться надо, остальное – не твоя забота. Ты к этому бою полжизни шел, так что ж теперь – все коту под хвост?

– Зачем коту под хвост? Не надо, слушай! Я кошек люблю, барс – тоже кошка, зачем ей столько всего под хвост совать? Это же больно, э!

Ник-Ник усмехнулся.

– Молодец, – сказал он, – чувство юмора терять нельзя. Айда по домам, что ли. Ты как, тренироваться завтра сможешь?

– Смогу, – ответил Марат. Это прозвучало спокойно и уверенно: быстро вспыхивая, он так же быстро остывал и теперь, как ясно видел тренер, не изображал спокойствие, а действительно был спокоен. – Потому что надо. Мне надо, тебе надо, людям надо, которые за меня болеют...

– Молодец, – повторил Безродный. – Вот и работай, а все остальное – моя забота. А с куревом завязывай. Добудешь чемпионский пояс – кури сколько влезет. А пока ты только претендент, имей в виду: еще раз увижу у тебя в руках сигарету, отниму и засуну... сам знаешь куда. Под хвост.

– Ва-а-ай! – с деланным испугом протянул Дугоев и рассмеялся.

Ник-Ник отечески похлопал его по твердому, как дерево, плечу, и, спустившись с крыльца, они рука об руку двинулись к стоящему поодаль пикапу тренера. Черный Барс оживленно обсуждал план тренировок, но Николай Николаевич заметил, что на ходу он украдкой поглядывает по сторонам, словно опасаясь нового выстрела из темноты.

Глава 3

Общеизвестно, что на забитую по всем правилам стрелку надлежит являться точно в назначенное время – желательно минута в минуту. Считается, что опоздание служит признаком неуважения к партнеру, а заблаговременный приход могут расценить как свидетельство нечестных намерений и коварных замыслов. Киллер в потертой мотоциклетной кожанке и темных очках прекрасно знал это правило, но на сей раз решил им пренебречь, тем более что его так называемые партнеры, по его твердому убеждению, тоже были не из тех, кто свято блюдет кодекс чести российского бандита.

Свидание, на языке упомянутой категории граждан именуемое стрелкой, было назначено в полдень в литейном цеху заброшенного завода, расположенного примерно в сорока километрах от Московской кольцевой автодороги. В незапамятные времена завод производил что-то железное – что именно, киллер не знал, да это его и не особенно интересовало. Люди покинули это место полтора десятка лет назад, оборудование давным-давно демонтировали и вывезли; то, что осталось, ни для кого не представляло интереса, тем паче что осталось всего ничего – в основном ржавые металлоконструкции, настолько громоздкие, что стоимость их демонтажа и утилизации делала данную операцию убыточной, а следовательно, абсолютно бессмысленной.

В цеху, где должна была состояться историческая встреча с представителем заказчика, было пусто, тихо и грязно. В распахнутые настежь ворота намело сухой листвы, на полу сквозь стыки ребристых чугунных плит проросла чахлая трава; цех пустовал уже давно, открытый ветрам и дождю, но пропитавший заросшие копотью стены едкий дух литейного производства был настолько стойким, что явственно ощущался до сих пор. Под крышей копошились, скребя коготками по железу, роняли вниз мусор и перья и утробно ворковали проникшие в цех через выбитые зенитные окна голуби. На покрытом толстым слоем черно-бурой пыли полу белели их многочисленные визитки; там, где сквозь прохудившуюся кровлю просачивалась дождевая вода, пыль превратилась в липкую грязь, а в углублениях неровного пола кое-где поблескивали лужи.

Цех казался вымершим, безлюдным, но на поверку это было не совсем так. Киллер в темных очках обосновался в одном из помещений второго этажа, куда поднялся по погребенной под многолетними напластованиями копоты лестнице в торцовой части здания. Для человека, никогда не исследовавшего закоулки литейных цехов, данное помещение выглядело довольно странно. Обширное, с высоким потолком и, как и все в этом здании, закопченное и запыленное сверх всякого предела, оно было почти пустым. На полу, полностью его скрывая, громоздились похожие на барханы кучи какой-то бурой порошкообразной субстанции – то ли земли, то ли песка, то ли все той же вездесущей копоты. В пыли поблескивали россыпи мелких металлических шариков; в углу, отгороженный частично завалившимися железными щитами, тихо ржавел под слоем мохнатой копоты массивный, ни на что не похожий остов дробоструйки – установки для грубой первичной обработки чугунных отливок.

Все здесь, на что ни посмотри, было ровного черно-буро-серого цвета и казалось бархатистым, как заросшая сажей внутренняя поверхность печной трубы. Пробыть здесь хотя бы минуту и не испачкаться представлялось решительно невозможным, но киллеру в темных очках доводилось успешно решать и куда более сложные задачи. Он заранее знал, куда направляется, и взял себе за труд подготовиться. Теперь он с удобством расположился на установленном недалеко от окна складном парусиновом стульчике. В частом оконном переплете недоставало доброй половины стекол; те, что еще держались в раме, были закопчены и запылены до почти полной потери прозрачности, так что свет в помещение проникал в основном через дыры.

Киллер курил, нарушая собственное правило, согласно которому никогда не потакал своим вредным привычкам, находясь при исполнении. Такой уж сегодня выдался день – без законов, без правил, без руля и ветрил. Белевшая на полу подле складного стула россыпь окурков свидетельствовала о том, что киллер сидит здесь уже не первый и даже, наверное, не второй час. Окурки не лгали: вольный стрелок в потертой мотоциклетной кожанке занял эту позицию в половине четвертого утра. Сейчас стрелки часов подбирались к десяти, прозрачно намекая, что он попусту угробил время, которое, не будь таким параноиком, мог бы провести в собственной постели.

Он несколько раз слышал шум проезжающих мимо машин, в основном дизельных грузовиков, но ни одна из них не свернула к заводу с проходившей неподалеку второстепенной шоссеиной дороги. Это было в порядке вещей: все, что можно украсть, отсюда украли давным-давно, а для романтических прогулок это место решительно не подходило.

Было без пяти десять, когда чуткий слух профессионального охотника за головами уловил почти неслышный шелестящий звук работающего на малых оборотах, идеально отлаженного двигателя, шуршание шин по разбитой подъездной дороге и хруст раздавленного колесами шлага. Затоптав окурки, вольный стрелок подался к окну и увидел медленно, будто крадучись, приближающийся к цеху японский внедорожник со столичными номерами.

– Вот и вы, голубчики, – усмехнувшись, вслух произнес стрелок. – Кто рано встает, тому Бог подает, верно?

Он вынул из внутреннего кармана кожанки оснащенную эластичным ремнем миниатюрную видеокамеру, задумчиво, пребывая в явном сомнении, подбросил ее на ладони и спрятал обратно в карман. Он впервые работал так, с фиксацией на видео каждого своего шага. На этом настоял заказчик. Правда, эпизод, который должен был разыграться в этих убогих декорациях через пару-тройку минут, в сценарии отсутствовал, но первоначальный вариант задуманного заказчиком финала новоявленного кинооператора решительно не устраивал, и он решил, что в данном случае лучше обойтись без камеры: сцен кровавого насилия в мировом кинематографе и так более чем достаточно.

Покинув насиженное место, стрелок по заранее разведанному маршруту перебазировался на крышу цеха. Его высокие ботинки на толстой рубчатой подошве глубоко погружались в черно-бурую пыль, что похоронила под собой ступени лестницы, оставляя в ней бесформенные ямки. Пыль полностью гасила звук шагов, и, поднимаясь вверх, он не особенно осторожничал. Очутившись на крыше, он пригнулся, на полусогнутых ногах перебежал открытое пространство и присел на корточки около длинной, тянущейся по центру кровли вдоль всего цеха стеклянной надстройки.

Небо было ясное, солнце поднялось уже довольно высоко, высушив ночную росу и ощутимо разогрев лохматый от старости, поросший пучками хилой травы рубероид мягкой кровли. На полуразрушенном парапете шелестели наполовину пожелтевшей и уже заметно поредевшей листвой молодые березки, и крыша, как золотыми монетами, была усеяна опавшими листьями. У основания надстройки было полно старых полусгнивших березовых сережек, похожих на мертвых гусениц. Опустившись на одно колено, киллер осторожно заглянул в цех через дыру, оставшуюся на месте выбитого стекла.

Джип уже был там. Вкатившись в распахнутые ворота, он остановился посреди цеха, поблескивая слегка запылившимися бортами. Дверцы его распахнулись, и оттуда почти одновременно выбрались трое мужчин в армейском полевом камуфляже без знаков различия. Прделано это было бодро, молодцевато, и, наблюдая сверху за процессом выгрузки, киллер слегка им позавидовал: чувствовалось, что ребята, во-первых, пребывают в отменной физической форме, а во-вторых, отлично выспались и плотно позавтракали перед выездом на задание. Правда, этим поводы для зависти исчерпывались; тому, что ожидало этих парней в ближайшем будущем, позавидовать было сложно.

Открыв распашные двери в заднем борту внедорожника, бойцы разобрали багаж. Он состоял из компактной автоматической винтовки с мощным телескопическим прицелом и двух автоматов Калашникова. В наплечных кобурах, что висели у каждого из бойцов слева под мышкой, тоже наверняка хранились не бутерброды, и притаившийся на крыше наблюдатель отбросил последние сомнения, которых и до того было немного.

Заказчик повел себя вполне ожидаемо – то есть не по правилам. Киллер не имел сомнительной чести знать этого человека лично, но он превосходно изучил эту породу людей во всех ее не особенно привлекательных проявлениях. Каждый из ее представителей мнит себя центром вращения Вселенной; этим людям плевать на правила, для каждого отдельно взятого случая они устанавливают свои – те, которые их устраивают в данный момент. Они считают себя страшно оригинальными и независимыми в суждениях, но именно это делает их предсказуемыми, а значит, уязвимыми.

Ликвидация генерала ФСБ – дело серьезное, непростое. Заказчик, которому упомянутый генерал перешел дорогу, долго и осторожно искал исполнителя – профессионального, не дающего осечек киллера с именем и репутацией. Наличие имени и репутации означает, что их обладатель не только хорошо стреляет, но и свято блюдет правила своей профессии: во что бы то ни стало выполняет принятый заказ, а выполнив, немедленно о нем забывает. Настоящий профессионал никогда не станет шантажировать заказчика – такому умнику не место не только в профессии, но и вообще на белом свете, – и тот, кто потратился на его услуги, может быть спокоен и за результат, и за последствия. Профессиональные киллеры не кидают заказчиков и очень не любят, когда заказчики пытаются кинуть их.

Именно это и происходило в данный момент. Вряд ли причиной происходящего стало нежелание до конца оплачивать оказанную услугу; скорее всего, заказчик просто решил подстраховаться. Понять его было несложно: тот, кто сам редко держит слово, никому не верит, считая надежной гарантией молчания только смерть.

Киллер извлек из-за пазухи увесистый «стечкин», вынул из бокового кармана куртки длинный глушитель и, продолжая смотреть в выбитое зенитное окно, несколькими привычными движениями навинтил его на ствол. Ударом ладони загнав в рукоятку обойму, он дослал в ствол патрон. Сопровождавшие эти нехитрые действия металлические щелчки привлекли внимание голубя, сидевшего на бугристой от многолетних напластований помета ржавой стальной балке перекрытия. Встрепенувшись, пернатый завсегдагай городских помоек повернул голову, устремив на источник побеспокоившего его шума взгляд обведенного оранжевым кружком радужки выпуклого черного зрачка. Киллер поднес к губам обтянутый кожей перчатки указательный палец, призывая птицу к молчанию, и та, словно и впрямь вняв безмолвной просьбе, спокойно отвернулась, втянула голову в плечи, нахохлилась и погрузилась в прерванную появлением чужака медитацию.

Черный японский джип зажег белые фонари заднего хода и, пятясь, почти неслышно выкатился из цеха. По-охотничьи держа винтовку на локтевом сгибе, снайпер свободной рукой указал своим товарищам позиции, которые тем следовало занять. Судя по его жестикуляции, позиции эти располагались в пустующих помещениях второго этажа, откуда можно было вести наблюдение и огонь через выходящие в цех окна. О чем-то коротко переговорив, все трое направились к пустому дверному проему, за которым находилась лестничная клетка.

– Как дети, ей-богу, – пробормотал засевший на крыше наемник.

Подобравшись к парапету, он проследил за машиной и убедился, что та покинула территорию завода. На соседних крышах тоже никого не было; удостоверившись, что это так, наемник пожал плечами и сделал губами пренебрежительное: «Пф!» На каждого мудреца довольно простоты; сам поступая, как бог на душу положит, заказчик отчего-то наивно полагал, что киллер, с которым он задумал расплатиться пулей, станет действовать строго по правилам: явится

на место встречи минута в минуту, ни о чем не подозревая, выйдет на середину цеха и безропотно позволит прострелить себе голову.

Ну-ну.

Больше ни от кого не прячась, поскольку прятаться было не от кого, киллер выпрямился во весь рост, указательным пальцем поправил съехавшие к кончику носа темные очки и, держа пистолет с глушителем стволом вниз в опущенной руке, неторопливо зашагал к закопченному, исписанному непристойностями кирпичному оголовку лестничной клетки, что возвышался у края крыши, как ходовая рубка морского сухогруза.

* * *

Открыв глаза, Марат сразу понял, что проспал. Ложась спать в два часа ночи, он забыл задернуть шторы, и теперь яркое утреннее солнце, вскарабкавшись на крышу соседнего дома, било прямо в глаза, заставляя отворачивать лицо и жмуриться.

Так, жмурясь, Марат спустил ноги на пол и сел на кровати. Голова сразу закружилась, к горлу подкатил тугой ком тошноты. Ощущение было полузабытое, но хорошо знакомое, памятное с того самого дня, когда он проснулся после школьного выпускного вечера, на котором они с ребятами по неопытности здорово переборщили со спиртным. Его первый тренер по вольной борьбе – там, в Махачкале, – увидев, в каком состоянии его подающий большие надежды воспитанник явился в спортзал, провел с ним воспитательную работу, после которой Марат еще неделю не мог сесть не поморщившись и, наверное, ел бы стоя, если бы не боялся насмешек окружающих.

Часы на прикроватной тумбочке показывали начало одиннадцатого. Утренняя тренировка была назначена на десять; с учетом пробок и всего прочего дорога до спортзала отнимала от часа до полутора, так что опоздал он окончательно и бесповоротно, и торопиться ему, следовательно, было некуда.

Сидя в одних трусах на развороченной постели, Марат потер ладонью колючий подбородок и энергично почесал в затылке. Память от этого не вернулась, зато голова закружилась с пугающей, прямо-таки нечеловеческой силой.

– Ва-а-ай, шайтан, – жалобно пробормотал Марат и, чтобы не свалиться с кровати, снова прилег.

То, что он испытывал в данный момент, во всех своих проявлениях было неотличимо от жесточайшего похмелья. Мысли путались, память была разорвана в клочья, которые на мгновение выплывали из тошнотворно клубящегося в голове тумана только затем, чтобы тут же нырнуть обратно. Смутно вспоминалась белая «шестерка», рука с пистолетом, хлесткие щелчки выстрелов, звон бьющегося стекла, встревоженное, напряженное лицо Ник-Ника и другое, чужое лицо – не лицо, а рожа, спрятавшаяся за толстым пуленепробиваемым стеклом и оттуда, пользуясь полной безнаказанностью, пренебрежительно цедящая граничащую с издевательством чушь...

Кое-как сложив эти разрозненные обрывки в единое целое и проанализировав то, что получилось, Марат пришел к выводу, что помнит не так уж и мало. Чего он не помнил, так это застолья, результатом которого стало его теперешнее состояние. В доме у него спиртного не водилось; домой его привез Ник-Ник, что автоматически исключало остановку в каком-нибудь ночном кабаке. В магазинах нынче спиртное после десяти вечера не продают, с соседями он не настолько дружен, чтобы посреди ночи стучаться в двери и набиваться в собутыльники... Так в чем же тогда дело?

Лежащий на тумбочке мобильный телефон вдруг осветился, басовито зажужжал и, продолжая вибрировать и ритмично вспыхивать разноцветными огоньками, заиграл лезгинку. Пользоваться таким рингтоном здесь, в Москве, было небезопасно – точнее, было бы, не

являйся Марат Дугоев тем, кем являлся. Ему периодически приходилось ставить на место агрессивных борцов за чистоту русской нации и московских улиц, и Ник-Ник сто раз пытался уговорить его сменить мелодию на мобильнике, упирая в основном на то, что однажды, отставив свои музыкальные вкусы, Марат не рассчитает силы, убьет кого-нибудь насмерть и сядет за решетку. Тренер, конечно же, был прав – как, впрочем, и всегда, – но поступиться гордостью было трудно.

Дотянувшись до телефона и взглянув на дисплей, Марат обнаружил, что Ник-Ник легок на помине. Этого следовало ожидать: тренировка должна была начаться четверть часа назад, и, не обнаружив будущего чемпиона в назначенном месте в назначенное время, тренер забеспокоился.

– Э! – огорченно воскликнул Марат, представив, насколько сильным должно быть это беспокойство с учетом событий минувшего вечера. – Да, – сказал он в трубку, – здравствуй, уважаемый.

– Ты где? – забыв поздороваться, спросил тренер.

Марат тяжело, покаянно вздохнул.

– Дома, – признался он, очень своевременно вспомнив, что машину накануне вечером увезли на эвакуаторе. Ехать за ней теперь предстояло на другой конец Москвы, и едва не сорвавшаяся с кончика языка ложь о пробке, в которой он якобы застрял, прозвучала бы, мягко говоря, неубедительно. – Прости, уважаемый, проспал. Сам не знаю, как получилось, клянусь!

– Проспал? Ну, это еще куда ни шло, – сильно его удивив, озабоченно, но с явным облегчением произнес Ник-Ник. – Ты вчера сколько таблеток принял?

– Таблеток? – изумился Дугоев. – Каких...

Тут его блуждающий взгляд наткнулся на цилиндрический пластиковый пузырек с яркой этикеткой, почему-то стоящий на полу у кровати, и он замолчал, припомнив кое-что еще из событий минувшего вечера.

– Понятно, – сказал тренер. – Я же предупреждал: не усердствуй, препарат сильный. Мог бы, между прочим, и не проснуться. Ох, Маратик, тяжело мне с тобой! Ни в чем меры не знаешь, как маленький, честное слово!

– Прости, уважаемый, – повторил Марат.

– Ладно, проехали, – на удивление быстро остыл Ник-Ник. – Сам виноват, не надо было тебе эту дрянь предлагать, но уж больно ты вчера взвихрился... Короче, что ни делается, все к лучшему. Оно, пожалуй, и хорошо, что проспал. Я тут застрял; когда освобожусь, не знаю...

– Где? – в свою очередь забеспокоился Марат. – Помощь нужна? Я подъеду, слушай!

– Остынь, – непререкаемым тоном отрезал тренер. – Только тебя тут и не хватало. Я на Петровке. Заскочил перед тренировкой, думал, справки наведу, запишусь на прием, то да се... А мне говорят: подождите, вас сейчас примут. Вот жду. Может, удастся договориться, чтоб тебе охрану выделили.

– Какую охрану? – запротестовал Марат. – Зачем, э?!

– Сколько ж ты их сожрал-то, болезный? – сочувственно произнес Ник-Ник. – Ну, начисто же память отшибло! Чайку попей, прими контрастный душ – глядишь, и оклемаешься. Охрана ему не нужна... А в Нью-Йорк я что повезу – цинковый ящик с твоими останками? Нет уж, дорогой, ты мне живым нужен!

Марат сильно потер ладонью свободной руки наморщенный лоб. Теперь он, кажется, вспомнил все, и вместе с бессильной яростью, которую всколыхнуло это воспоминание, пришло понимание того, что тренер снова прав: охрана ему, увы, необходима – разумеется, лишь в том случае, если он хочет дожить до финальной схватки за право носить чемпионский пояс.

Все было правильно, теперь он помнил это очень четко: в него стреляли на крыльце спортивно-развлекательного комплекса, его машине продырявили все четыре покрышки, после чего они с тренером почти три часа проторчали в полиции – разумеется, безо всякого толку.

Потом Ник-Ник отвез его домой на своем пикапе, и к концу пути Марат окончательно успокоился. Нервы у него были железные, к пальбе и свисту пуль над головой он привык с детства, а к перспективе умереть в расцвете лет относился с полнейшим пренебрежением: не искал смерти, но и бегать от нее не собирался, полагая это занятие недостойным настоящего мужчины.

Ник-Ник, выглядевший куда более встревоженным, чем его воспитанник, вызвался проводить Марата до квартиры. Дугоев высказался в том смысле, что он не юная девственница, честь которой надлежит всячески беречь и охранять, а Ник-Ник – не брат упомянутой девственницы, чтобы повсюду таскаться за ней, грозно хмуря брови и поминутно хватаясь за кинжал. Тренер ответил на этот перл истинно кавказского остроумия лишь кислой улыбкой, из которой следовало, что спорить с ним сейчас бесполезно – опять же как всегда.

Марат жил на четвертом этаже старой хрущевской пятиэтажки, уже не первый год дождавшейся своей очереди пойти на снос. Сбережений свежеепеченного чемпиона России по боям без правил пока хватило лишь на однокомнатную клетушку в этом ветхом курятнике, но Дугоев радовался тому, что имел: как ни крути, это было его собственное, заработанное своим трудом и приобретенное на вполне законных основаниях жилье, да не где-нибудь, а в самой Москве. Это только начало; когда он станет чемпионом мира, всё, в том числе и уровень его благосостояния, изменится, будто по волшебству. Так говорил Ник-Ник, а уж он-то врать не станет!

Словом, поднимаясь по лестнице к себе на четвертый этаж, Марат был уже абсолютно спокоен и даже начал позевывать в волосатый кулак: часы показывали половину второго, а ложиться, в чем бы ни обвинял его сгоряча Ник-Ник, он привык рано – режим есть режим. Тренер шел за ним, отставая на две ступеньки, и монотонно бубнил что-то умиротворяющее – про то, что он этого так не оставит, что у него полно знакомых в МВД и даже на Лубянке, что они не откажутся помочь своему наставнику в таком пустяковом деле и что злоумышленники очень скоро поймут, что задрали хвост не на того человека, и пожалеют, что не умерли в колыбели от какого-нибудь, не к ночи будь помянут, коклюша.

Одолев последний лестничный марш, Марат остановился так резко, что продолжающий бубнить и грозиться Ник-Ник с разгона воткнулся головой ему в поясницу. Дверь, ведущая в квартиру Дугоева, располагалась точно напротив лестницы, и, едва взглянув на нее, Черный Барс понял, что ничего не кончилось. Там так и было написано: «Это только начало».

Написано было не на чем попало, а на стандартной бумажной мишени, отпечатанной типографским способом и прилепленной к двери с помощью комка жевательной резинки. Мишень была пробита точно по центру, так что от пропечатанной там десятки остался только намек; «Это только начало» было написано сверху, а снизу, по белому полю, на жаргоне стрелков именуемому молоком, красовалось выведенное от руки теми же печатными буквами дополнение: «Гуд бай, Америка!»

Тут в воспоминаниях Марата опять наблюдался провал, но в этом-то как раз и не было ничего удивительного: он никогда не мог вспомнить, что говорил и делал во время изредка накатывающих на него припадков неконтролируемого бешенства. Так, например, он даже под страхом смерти не сумел бы вспомнить подробности заключительного раунда боя за титул чемпиона России. Ник-Ник утверждал, что, если бы его не оттащили, соперник, а возможно и рефери, не пережил бы тот вечер. У Марата не было оснований не верить тренеру, но вспомнить, как все это происходило, он был просто не в состоянии.

Так вышло и на этот раз. Помнилась дверь с прилепленной посередине мишени, а потом – сразу, без перехода – разгромленная кухня, хлещущая из крана в раковину вода, промокшая спереди футболка, стакан, лязгающий о передние зубы, и перепуганный насмерть Ник-Ник, дрожащей рукой сующий ему в рот какие-то таблетки со словами: «Глотай, сынок, глотай. Тихо, тихо, все нормально. Ты просто проглоти, увидишь, как сразу полегчает. А если заснуть не сможешь, прими еще, только аккуратно, не перестарайся, таблеточки сильные...»

Заснуть он, судя по всему, не смог и по совету тренера наглотался таблеток, по неопытности хватив лишку – отсюда и позднее пробуждение, и сопутствующие ему ощущения. Что ж, с этим он, по крайней мере, разобрался; разобраться с остальным будет не так просто, но всему свое время.

– Ладно, – хрипло сказал он в трубку, – все нормально. Я уже в порядке.

– Вот и хорошо, – не без сомнения похвалил Ник-Ник. – Сиди дома, никуда не выходи. Как закончу, заеду к тебе, расскажу что да как.

– Хорошо, – безропотно согласился Марат, – буду ждать. Удачи тебе, уважаемый.

Бросив телефон на тумбочку, он натянул спортивные брюки и майку, сунул босые ноги в тапочки и, шаркая задниками, как старик, побрел на кухню заваривать зеленый чай.

Глава 4

Джип мягко перевалил через рельсы заросшей бурьяном узкоколейки и пошел петлять в мрачном лабиринте узких замусоренных проездов между полуразрушенными корпусами опустевших много лет назад заводских цехов. Денек выдался ясный, солнечный, но освещение никак не влияло на производимое этим местом гнетущее впечатление. Вокруг не было видно никаких признаков жизни, даже бродячие кошки и собаки обходили завод стороной, поскольку тут им было нечем поживиться.

Чайник сидел спереди, рядом с водителем, на месте, которое до сих пор считают «хозяйским» разве что председатели небогатых колхозов. Вообще-то, его звали Виктором Павловичем Чайкиным, но в незапамятные времена какой-то шутник сообразил поменять местами «к» и «н» в его фамилии, и обидное прозвище, в которое она после этого превратилась, каким-то таинственным образом преследовало Виктора Павловича всю жизнь, переходя вместе с ним из школы в институт, из института в коммерческую фирму, где он начал свою трудовую деятельность, из фирмы в камеру следственного изолятора, оттуда в лагерный барак и так далее.

Правда, те, кто в данный момент делил с ним пространство салона, Чайником его не называли: водитель – потому, что его дело было помалкивать и крутить баранку, а разместившийся на заднем сиденье пассажир – потому, что обладал достаточно высоким социальным статусом, чтобы считать употребление прозвищ, кличек и жаргонных слов ниже своего достоинства. Конечно, начальник охраны богатого и влиятельного человека – птица не шибко высокого полета, но по сравнению с Виктором Чайкиным, промышленляющим посредничеством при обстрепывании сомнительных делишек, даже этот лощеный холуй выглядел настоящим генералом.

Чайник принципиально игнорировал эту вопиющую разницу в общественном и финансовом положении и даже не пытался сойти здесь за своего. Он ехал по грязному делу в грязное место и потому, в отличие от хлыща на заднем сиденье и его водителя, оделся соответственно – в немаркие джинсы из синтетической ткани, крепкие ботинки и кожаную куртку, под которой виднелась простая серая фуфайка. Оружия при нем не было: своим главным оружием Чайник считал головной мозг, а что до стреляющего железа, так его он старался вообще не брать в руки.

За очередным поворотом прямо по курсу открылась черная пасть распахнутых настезь ворот литейного цеха. Ворота были громадные, рассчитанные на тепловоз, некогда таскавший вагоны с отливками по узкоколейке, которая двумя кривыми нитками ржавых рельсов скрывалась в глубине цеха, отсюда, снаружи, казавшейся непроницаемо темной. В дальнем конце этого темного тоннеля виднелся яркий прямоугольник еще одних ворот. Все вокруг поросло травой и бурьяном, который по неизвестной причине был особенно высоким между рельсами. Чайник заметил, что перед воротами бурьян выглядит примятым, как будто здесь недавно прошла машина, и забеспокоился: у парня, на встречу с которым они приехали в это неприятное местечко, были отменные рекомендации, а это означало, что он себя не на помойке нашел и умеет придавать значение мелочам.

Стебли бурьяна громко зашуршали по днищу джипа; потом шорох стих, на пыльное ветровое стекло упала тень, и машина въехала в цех, где на поверку оказалось не так уж и темно. В цеху было пусто; краем глаза Чайник уловил нетерпеливое движение демонстративно посмотревшего на часы обитателя заднего сиденья и в свою очередь бросил взгляд на приборную панель. Электронные часы на ней показывали одиннадцать пятьдесят девять. Водитель остановил машину и заглушил мотор. За мгновение до того, как погасли шкалы приборов, цифры на дисплее часов сменились, показав двенадцать ноль-ноль, и сейчас же в воротах напротив, вывернув откуда-то слева и тяжело перевалившись через рельс, появился серебристый седан. Въехав в цех, машина остановилась и моргнула фарами дальнего света.

– Точность – вежливость королей и киллеров, – удовлетворенно констатировал Чайник. – Я же вам говорил, это настоящий профи. Как робот – все строго по программе, ни шагу в сторону.

– Вы давно его знаете? – спросил тот, что сидел сзади.

Его фамилия была Стрельцов. Знакомясь с Чайником, он не потрудился назвать свое имя-отчество, и тот называл его по фамилии, ни разу не удосужившись добавить «господин», на что этот упакованный в баснословно дорогой костюм кусок дерьма, вероятно, рассчитывал.

– Боже сохрани от таких знакомых! – сказал Чайник. – Вы глубоко заблуждаетесь, если принимаете меня за менеджера или там диспетчера какой-то организации наемных стрелков. Я – просто посредник, улаживающий за людей и для людей различные деликатные проблемы. Вам понадобился профессионал, я его нашел, только и всего. У него надежные рекомендации... да что рекомендации! Вы его видели? Ему уже хорошо за сорок, а он до сих пор жив и на свободе. Это, по-моему, самая лучшая из возможных рекомендаций. И в связи с этим... Короче, может быть, вы передумаете, пока не поздно? С меня ведь могут спросить...

Серебристый седан опять нетерпеливо моргнул дальним светом фар.

– Ступайте, Чайкин, – сказал Стрельцов с оттенком начальственного раздражения. – Передумаю я или нет, это мое дело. А вы потрудитесь закончить свое. Вот, возьмите.

Чайник принял протянутый ему с заднего сиденья ноутбук и нехотя выбрался из машины, чувствуя себя так, как, наверное, чувствует фанерная мишень на полигоне перед началом полковых стрельб. Направляясь к серебристому седану, он почти физически ощущал ползающие по лбу и затылку перекрестия прицелов, как будто на голову ему высыпали целую банку ядовитых пауков, готовых в любую секунду вонзить в его кожу смертоносные жвалы.

Дверца седана распахнулась, и с водительского сиденья навстречу Чайнику легко поднялся наемник. Он был одет, как и при первой встрече, в короткую мотоциклетную кожанку и джинсы, заправленные в высокие армейские ботинки. Этот гардеробчик, как, впрочем, и его владелец, выглядел изрядно потрепанным и засаленным; создавалось впечатление, что, во-первых, кроме этих тряпок, надеть киллеру нечего, а во-вторых, что он не снимает их даже на ночь. С учетом размера запрошенного им гонорара это выглядело довольно странно, но постоянно сопровождающий вольному стрелку запах алкогольного перегара многое объяснял. Ясно, регулярно пропивать такие деньги – дело непростое и губительное для здоровья, но существуют ведь еще наркотики и казино, не говоря уже о бабах!

– Я вас приветствую, – развязно обратился к наемнику Чайник, протягивая для пожатия руку.

– Наше вам, – сипловато откликнулся стрелок, игнорируя повисшую в воздухе ладонь.

Вблизи было видно, что физиономия у него осунулась и остро нуждается в бритве, а перегаром от господина профессионала разило с такой силой, что Чайник поневоле начал дышать через рот.

– Ну? – убрав руку, которую не удосужился пожать невоспитанный наемник, перешел к делу Виктор Павлович.

– Пиастры, – напомнил стрелок.

– Утром стулья, вечером деньги, – перефразировав реплику героя культового романа, возразил Чайник.

– Да все в ажуре, – дыша парами неусвоенного алкоголя, небрежно заверил киллер и, вынув из кармана, протянул собеседнику маленькую серебристую видеокамеру с болтающимся сбоку эластичным ремешком. – Смотри, если на слово не веришь.

– Доверяй, но проверяй, – с шутливой важностью изрек Чайник и, взглядом спросив у наемника разрешения, аккуратно поставил ноутбук на слегка запыленный серебристый капот.

Пока компьютер загружался, урча приводом жесткого диска и шелестя вентилятором кулера, киллер закурил, сунул руки в карманы куртки и стал с подчеркнuto безразличным видом глазеть по сторонам. Чайник размотал шнур и подключил видеокамеру к ноутбуку.

На экране появился пожилой мужчина в деловом костюме, с портфелем в руке, поднимающийся по лестнице. Съемка велась сверху, изображение было почти черно-белым из-за недостатка освещения и искусственной подсветки. Вот человек остановился, по всей видимости заметив стоящего на дороге оператора, поднял голову, позволив Чайнику убедиться, что он – это он, а не случайный прохожий, и, явно сообразив, что к чему, сунул свободную от портфеля руку за левый лацкан пиджака. Появившийся оттуда восемнадцатизарядный СПС послужил еще одним свидетельством того, что на экране генерал ФСБ, а не отставной учитель русского языка и литературы; потом в кадре появилась рука в тонкой кожаной перчатке, сжимающая «стечкин» с длинным глушителем. Звука не было – пистолет просто слегка подпрыгнул, выбросив из затвора дымящуюся гильзу. Человек на ступеньках уронил портфель, ноги его подкосились, и, чтобы не упасть, он навалился грудью на перила, вцепившись в них обеими руками. Пистолет в его руке снова начал подниматься; «стечкин» зло дернулся три раза подряд, одну за другой выплевывая гильзы, генерал выронил оружие и медленно, неуклюже, вот именно по-стариковски, скатился вниз по лестнице.

Изображение запрыгало, заметалось из стороны в сторону; Чайник увидел, как рука в перчатке одну за другой поднимает с пола и выносит за пределы кадра стреляные гильзы. На экране, сменяя друг друга, мелькали выкрашенная масляной краской стена, перила и ступени лестницы, носки высоких армейских ботинок, убираемый за пазуху пистолет... Потом картинка стала статичной: высланный уложенной в шахматном порядке светлой и темной метлахской плиткой пол лестничной площадки, а на нем – плавающее в луже собственной крови тело с черной дырой входного отверстия над переносицей.

Камера дала наезд, когда убийца наклонился над трупом и принялся шарить по карманам. Первым делом он отыскал и, развернув, подержал перед камерой служебное удостоверение убитого. Фотография соответствовала лежащему на полу с простреленной головой оригиналу, и написано в документе было именно то, что хотел прочесть Чайник – вернее сказать, заказчик, которого он в данный момент представлял.

Потом изображение снова затряслось и запрыгало, на экране замельтешили, уходя вниз, ступеньки, перила и стены: оставив труп лежать на площадке, киллер поднимался по лестнице. В кадре появилась декорированная имитирующим полированное красное дерево пластиком стальная дверь; рука в перчатке, вооруженная снятой с тела жертвы связкой ключей, поочередно отперла замки, повернула ручку и открыла дверь. Луч вмонтированного в корпус камеры светодиодного фонарика заскользил по стенам прихожей, выхватил из темноты дверную коробку, угол дивана, оклеенную дешевыми обоями стену, а на ней репродукцию «Девятого вала» Айвазовского в массивной золоченой раме. Снова появившаяся в кадре рука сдвинула ее в сторону, открыв дверцу потайного сейфа, и вдруг экран почернел – запись оборвалась.

– А дальше? – спросил Чайник.

– Даже у повара в привокзальной тошнеловке есть свои секреты, – пояснил наемник. – Вам ведь важен не процесс, а результат, верно?

– Ну и где он?

– Пиастры, – снова напомнил киллер.

Демонстративно пожав плечами, Чайник извлек из-за пазухи и бросил на капот пухлый, увесистый конверт. Киллер взял его, заглянул под клапан, наугад выдернул из первой подвернувшейся под руку пачки купюру достоинством в сто евро, посмотрел на свет, кивнул и спрятал купюру в конверт, а конверт – в карман кожанки.

– Нормально, – сказал он и, повернувшись к Чайнику спиной, направился к передней пассажирской двери своего автомобиля.

Распахнув ее, он взял с сиденья и, вернувшись, протянул посреднику простую пластиковую папку. Она была голубоватого цвета, полупрозрачная, и внутри нее виднелись какие-то бумаги, поверх которых, отливая характерным радужным блеском, лежал компакт-диск. Чайник нажал кнопку на корпусе ноутбука, заставив выдвинуться лоток дисковод, и запустил пальцы в папку, нащупывая диск.

– Не советую, – негромко произнес киллер, со скучающим видом глядя на стоящий в отдалении джип. – Кто много знает, тот мало живет. Оно вам надо?

Виктор Павлович осторожно, будто опасаясь укуса, вынул руку из папки, задвинул на место лоток дисковод и опустил крышку ноутбука.

– Надеюсь, у вас хватило ума не сделать для себя копию, – сказал он, взвешивая папку на руке.

– Надеюсь, вы сегодня не выспались или просто подцепили вирусную инфекцию, – не остался в долгу наемник. – Тогда этот вопрос можно проигнорировать как результат временного помутнения рассудка. На кой ляд мне это дерьмо? Что я должен с ним делать – отнести в общественную приемную ФСБ и сказать, что нашел на улице? Или приложить к нему явку с повинной? Что вы несете, милейший?! С вами все в порядке?

Чайкин внутренне содрогнулся. Этот тип выглядел как использованная салфетка и вонял, как пустой винный бочонок, но даже в таком плачевном состоянии оставался профессионалом высшей пробы и не утратил звериного чутья на опасность. Его последний вопрос попал в самое яблочко: Виктор Павлович был далеко не в порядке и с огромным трудом сдерживал предательскую дрожь, которая так и гуляла по всему организму, подбираясь то к пальцам, то к голосовым связкам. Он все время помнил о том, что на него смотрят через прицел, и даже тот факт, что мишенью является не он, а собеседник, служил очень слабым утешением: когда начинается пальба, первыми, как правило, погибают случайные прохожие, которых угораздило очутиться не в том месте не в то время.

– В полнейшем, – пряча испуг за высокомерным тоном, заверил он, – чего и вам желаю. Доброго здоровья!

– И вам не хворать, – сказал киллер.

Он выплюнул в сторону окурков, достал из кармана пачку «Лаки Страйк», щелчком выбил оттуда новую сигарету и сунул ее в зубы. Судя по некоторым верным признакам, его мучила с трудом сдерживаемая отрыжка. Стараясь не слишком суетиться, Чайник пристроил папку с выкраденными из потайного сейфа документами поверх ноутбука, собрал все это хозяйство в охапку и нарочито неторопливой походкой направился к джипу.

Преодолев примерно половину пути, он вдруг услышал за спиной звонкий металлический щелчок, очень похожий на звук взведенного курка. Виктор Павлович сбился с шага, замер и испуганно обернулся, но это была всего-навсего зажигалка – никелированная бензиновая «зиппо» с откинутой крышечкой. Киллер держал ее на весу, готовясь зажечь сигарету, и поверх нее с насмешливым удивлением смотрел на Чайкина. Его левая рука лежала в кармане куртки, чересчур узким и мелким, чтобы в нем могло поместиться оружие; брови изумленно приподнялись над верхним краем очков; наемник понимающе, с изрядной долей пренебрежения улыбнулся, держа в уголке губ незажженную сигарету, и в это мгновение, заставив Чайника вздрогнуть, раздался еще один неожиданный, посторонний звук – негромкий, но резкий хлопок, как будто где-то поблизости лопнул наполненный водой резиновый шарик.

Киллер выронил зажигалку и резко прижал ладонь к голове над правым виском таким движением, словно хотел воскликнуть: «Ох, совсем забыл! Ну и растяпа!» По твердому убеждению Чайника, он действительно забыл кое-что важное – например, с кем имеет дело, – но ему явно было уже не до восклицаний. Из-под прижатой к виску ладони просочилась и хлынула, заливая щеку и шею, темная кровь. Челюсть наемника отвисла, будто от неимоверного удивления, так и не закуренная сигарета выпала и покатила по грязному полу, а в следую-

щий миг изо рта тоже выплеснулась кровь. Колени убитого подломились, и он рухнул наземь, напоследок ударившись простреленной, окровавленной головой о крышку переднего колеса своей машины. Темные очки свалились с переносицы, и в полумраке заброшенного цеха жутковатым стеклянным блеском сверкнули открытые глаза, бессмысленный взгляд которых был устремлен на грязные, рыжие от ржавчины чугунные плиты пола.

Пятясь, не сводя глаз с трупа, Чайник сделал несколько неуверенных шагов в сторону джипа, а потом, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, наплевав на то, как выглядит со стороны, опрометью бросился к машине.

Стрельцов уже подждал его, распахнув заднюю дверцу.

– Ну-ну, – сказал он, увидев перекошенную физиономию посредника, – спокойнее, Чайкин, все уже позади. Давайте, что там у вас.

Дрожащими руками Чайник протянул ему свою добычу – ноутбук с камерой и папку с документами и компакт-диск, который в целях продления жизни не советовал трогать покойный наемник. Стрельцов отложил в сторону ноутбук и принялся бегло просматривать бумаги.

– Зря вы так, – сказал Виктор Павлович. – Все-таки он был профессионал и до конца оставался верным своей этике...

– Какая к черту этика в двадцать первом веке? – рассеянно возразил Стрельцов, бегая глазами по строчкам. – Надо же, сколько накопал этот старый подонок... О, даже это! Ну и ну... Вовремя мы им занялись; еще немного, и было бы поздно... – Он поднял на Чайкина спокойный, равнодушный взгляд. – Единственный этический принцип, применимый к данному конкретному случаю, устами своего героя сформулировал еще Роберт Льюис Стивенсон. Надеюсь, «Остров сокровищ» вы читали? Если не читали, то уж смотрели-то наверняка, правда? Мертвый не выдаст – вот вам и весь принцип. С этим, согласитесь, не поспоришь, это – истина в последней инстанции. А профессиональная этика гильдии наемных убийц и прочая блатная романтика находится вне сферы моих интересов.

– Надеюсь, на меня этот ваш принцип не распространяется? – помолчав, спросил Чайник.

Он хотел, чтобы это прозвучало шутливо, но голос подвел, и интонация получилась испуганно-просительная, как будто он уже стоял на коленях с приставленным к затылку дулом и молил о пощаде.

– Ну что вы, как можно? – возвращаясь к чтению, сухо откликнулся Стрельцов. – Садитесь, поехали, у меня еще куча дел. Нет, – чуть резче добавил он, краем глаза уловив движение Чайника, – на прежнее место, если вас не затруднит.

Чайник молча прикрыл дверцу и двинулся к переднему сиденью. Сунувшись в салон, он заглянул прямо в дуло пистолета, который держал в руке молчаливый водитель.

– Что... – начал Виктор Чайкин, но договорить не успел: пистолет выстрелил, и последним, что увидел в своей жизни профессиональный посредник по прозвищу Чайник, было клубящееся в широком, как железнодорожный тоннель, канале ствола рыжее пламя.

За воротами цеха водитель развернул джип и наконец-то подал голос.

– Про деньги забыли, Петр Кузьмич, – сказал он с легкой досадой. – Сумма-то, поди, немаленькая. Может, сгонять?

– Поехали, – не отрываясь от добытых киллером бумаг, нетерпеливо бросил Стрельцов. – Ребята подберут, это их премия.

Водитель переключил передачу, дал газ, и черный внедорожник, переваливаясь на ухабах и с хрустом давя в мелкую крошку усеивающий дорогу шлак, покатился к выезду с заводской территории.

* * *

Вывеска, укрепленная на фасаде жилого дома, гласила просто: «Пиво и мясо». Довольно крутые и основательно истертые подошвами кирпичные ступеньки вели прямо с тротуара в приямок, где располагалась дверь заведения. Спустившись по этим ступенькам, потенциальный посетитель, он же потребитель поименованных выше продуктов, в буквальном смысле слова оказывался в тупике: небрежно набитые поперек двери толстые необструганные доски своими неровными концами заходили на стену, а торчащие из них ржавые шляпки толстых гвоздей окончательно убеждали случайного человека в том, что дверь заколочена намертво. Это был своеобразный психологический тест, на котором действительно отсеивалось немало робких интеллигентных хлюпиков, коим не место в брутальной компании настоящих мужчин – любителей пива и мяса с кровью.

Спускавшегося по ступенькам человека было трудно отнести к категории интеллигентных хлюпиков. Он был выше среднего роста, спортивного телосложения и имел наружность, которая вряд ли стала бы менее брутальной, даже нарядись ее обладатель в свадебное платье с фатой. В коротко стриженных темных волосах и трехдневной щетине, что густо покрывала его щеки, шею и подбородок, предательски поблескивало, выдавая уже далеко не юный возраст, тусклое серебро седины. Глаза скрывались за темными стеклами солнцезащитных очков, в уголке губ дымился окурок сигареты – разумеется, крепкой, поскольку люди этого типа не признают полумер, не говоря уже о недавно вошедших в моду электронных подделках. Одежда его состояла из заметно поношенной и потертой мотоциклетной кожаной куртки, многочисленные пряжки и «молнии» которой негромко позвякивали в такт шагам, черной футболки и джинсов того же цвета, заправленных в высокие ботинки натовского армейского образца. Левую руку человек держал в кармане куртки; из правого выглядывали небрежно засунутые туда тонкие кожаные перчатки, одна из которых, если приглядеться, была испачкана какой-то темно-бурой субстанцией, подозрительно похожей на засохшую кровь.

Если бы начальник службы безопасности одной из крупных московских фирм Петр Кузьмич Стрельцов, к этому времени уже отчитавшийся перед шефом о проделанной работе и вернувшийся к выполнению своих повседневных обязанностей, увидел этого человека, он испытал бы удивление – впрочем, весьма непродолжительное и не слишком сильное. Петр Кузьмич был не из тех, кто способен долго охать, ахать и всплескивать руками, столкнувшись с чем-то неожиданным, особенно если неожиданность таит в себе угрозу. Перестав удивляться, он непременно принял бы все меры к тому, чтобы описанный выше гражданин вел себя как полагается покойнику, то есть перестал расхаживать по пользующимся сомнительной репутацией заведениям и мирно улегся на каталку в ближайшем морге.

Но Петр Кузьмич был далеко и не подозревал, что застреленный у него на глазах наемник на самом деле здоровехонек. Трое стрелков в камуфляже без знаков различия, что остались лежать в помещениях на втором этаже заброшенного литейного цеха, были наняты им на стороне при посредничестве покойного Виктора Чайкина, так что их отсутствие господина Стрельцова ничуть не встревожило.

Чудесным образом воскресший наемник владел ситуацией гораздо лучше своего оппонента, поскольку продумал все заранее и приложил немало усилий к тому, чтобы все вышло именно так, а не иначе. Ему удалось переиграть неглупого и могущественного противника, но он не испытывал по этому поводу ярко выраженных эмоций: ему было не впервой, среди добытых им трофеев числилась дичь и покрупнее.

Очутившись на дне приямок и обнаружив прямо перед собой заколоченную досками дверь, этот современный вариант библейского Лазаря коротко усмехнулся, отдавая должное изобретательности здешнего персонала, бросил окурок в стоящую в углу жестяную, архаич-

ного вида урну, а затем, хоть и был здесь впервые, без тени сомнения или неуверенности потянул дверь на себя. Якобы намертво заколоченная двадцатисантиметровыми гвоздями дверь распахнулась без малейшего сопротивления, и посетитель вошел в тускло освещенное фойе. Потускневшее зеркало в растрескавшейся багетной раме почти во весь рост отразило его высокую фигуру. При виде собственного отражения губы посетителя едва заметно искривились в брезгливой гримасе. Ему случалось ночевать в грязной луже, укрываясь для тепла окоченевшим трупом собственноручно застреленного человека, но с тех пор прошло уже много лет, и он давненько не чувствовал себя таким грязным.

Всю не всю, но часть грязи он мог смыть с себя прямо сейчас. Углядев в тупичке за фанерной перегородкой дверь, помеченную бронзовой на вид литерой «М» (на соседней, внося окончательную ясность, красовалась надпись «Ж»), посетитель свернул туда. Интерьер интересующего его помещения свидетельствовал о богатой, местами даже чересчур, фантазии тех, кто его декорировал. Вообще-то, говорить о декоре применительно к общественному туалету как-то не принято, но здесь декор был налицо. Первым делом посетитель едва не упал, споткнувшись о выступающий из кафельного пола чугунный канализационный люк самого что ни есть антикварного вида. Старательно очищенные от штукатурки кирпичные стены украшали взятые в простые деревянные рамки плакаты советских времен, латунные краны с виду тянули лет на сто, если не на все сто пятьдесят, а раковины под ними были вручную склепаны из оцинкованной жести.

Пока киллер в темных очках намыливал руки, в туалет вошел еще один посетитель – бритоголовый здоровяк с солидным пивным животом. Протопав мимо, он пристроился к писсуару. Киллер изумленно приподнял бровь: звук, сопровождавший процесс вывода из организма излишков пива, был мощный, гулкий – словом, брутальный, иначе не скажешь. Покосившись в ту сторону, стрелок обнаружил, что писсуар представляет собой прямоугольное корыто все из той же оцинкованной жести – деталь, которая вряд ли могла попасть сюда случайно. «Оригиналы, – смывая с ладоней мыльную пену, подумал воскресший. – Господи, обо что только ни споткнешься в этом городе!»

Туалет недурно подготовил его к тому, что он увидел в обеденном зале, – пожалуй, даже слишком хорошо, поскольку стрелок успел настроиться на большее и был слегка разочарован. Самой яркой деталью интерьера были, пожалуй, тянущиеся под потолком трубы коммуникаций, в том числе и канализационные – декорированные грубой мешковиной, но, насколько он мог судить, отнюдь не декоративные. Прочее выглядело так, словно декоратор выдохся, сделав половину работы, или просто уволился, предоставив хозяевам заведения самостоятельно довершать начатое. Стены были частично оклеены желтыми от покрывающего их лака страницами газет, среди которых попадались советские – «Правда», «Труд», «Литературная газета» и «Комсомольская правда» – не нынешняя, а тогдашняя, настоящая. Стрелок уселся за нарочито грубый деревянный стол в углу, опасливо покосился на старинный чугунный утюг, что висел, взятый в рамочку, прямо у него над головой, и, убедившись, что тот пока что не собирается довершить то, что не удалось снайперу в литейном цеху, огляделся по сторонам.

Сейчас, в самом начале третьего пополудни, посетителей было немного, всего человек десять или около того. В основном это были вполне прилично одетые молодые люди – не рокеры, не байкеры и не портовые грузчики, вид и манеры которых наилучшим образом соответствовали бы атмосфере, старательно создаваемой здешним персоналом. «Еще не вечер, – напомнил себе стрелок, рассеянно листая меню и косясь на невысокий подиум с расставленными в ожидании музыкантов инструментами – ударной установкой, синтезатором и гитарами. – По вечерам здесь, наверное, собирается настоящий пандемониум, человеку с приличными манерами, слабыми нервами и тонким музыкальным слухом тут верный каюк... Да сюда таких, наверное, и не пускают – фейс-контроль наоборот, что-то в этом роде...»

В зал вернулся, на ходу поддергивая сползающие с живота джинсы, давешний здоровяк из туалета. Его обритый наголо череп лоснился в свете потолочных ламп, круглую щекастую физиономию обрамляла курчавая шкиперская бородка ярко-рыжего, почти апельсинового цвета. Тяжело плюхнувшись на место, здоровяк вооружился недопитой кружкой пива, закурил и отгородился от окружающих автомобильным журналом. Судя по многочисленным сгибам и общей помятости, журнал некоторое время носили в заднем кармане джинсов, для удобства свернув по размеру; на обложке вместо гоночного болида или какого-нибудь концепт-кара гордо красовалась ярко-алая двадцать первая «Волга» со звездой на радиаторе.

«Ишь ты, – переключая внимание с фотографии легендарного автомобиля на пламенеющую в сумраке обеденного зала бороду здоровяка, с легким недоумением подумал стрелок. – Где ж тебя такого откопали? Небось очередной рекрут, взятый за мелкое хулиганство – скажем, за драку с битьем посуды вот в этом самом шалмане – и поставленный перед выбором: либо пятнадцать суток с оплатой причиненного ущерба, либо выполнение мелкого поручения... Да нет, бред собачий! Просто не я один умею притворяться шлангом. А бороду можно покрасить или, в конце-то концов, приклеить... Проверить, что ли? Вот подойти и дернуть... А? Я же говорю: бред! С кем поведешься, от того и наберешься».

К нему подошла молоденькая официантка, одетая вполне по-человечески, без поправки на местный колорит, – в темные брюки, белую блузку и бордовый жилет. Стрелок заказал стейк и бокал темного пива, стараясь говорить как можно громче и отчетливее, но при этом не орать. Официантка почиркала карандашиком в блокноте, кивнула и упорхнула. Наемник закурил, из-под надежно скрывающих глаза темных очков наблюдая, как рыжебородый неторопливо складывает по старым сгибам многострадальный журнал. Он делал это так старательно и сосредоточенно, словно выполнял бог весть какой важности миссию, а закончив, потерял к журналу всяческий интерес, швырнул его на стол, придавил сверху пепельницей и с силой ввинтил в нее дымящийся окурок. После чего залпом допил пиво, кликнул официантку, расплатился и, не глядя по сторонам, покинул заведение.

Человек в темных очках уже далеко не впервые подумал, насколько его профессия перегружена давно устаревшими, отжившими свое, а оттого глупыми и никому не нужными условностями. Ну что стоило просто обменяться парой фраз или, того легче, посланиями по электронной почте? «У меня порядок», – сообщает один. «Отлично, можешь быть свободен до особого распоряжения», – отвечает другой. И даже если какой-нибудь умник ухитрится взломать защищенную всеми мыслимыми и немыслимыми способами базу данных, что он поймет из этого обмена короткими репликами? Да ничего! Но нет, это чересчур просто, а значит, неприемлемо. Чтобы все было по-настоящему, всерьез, непременно надо чесать правое ухо левой рукой, предварительно продев ее под колено... Конспирация, батенька, как говаривал, если верить советскому кинематографу, вождь мирового пролетариата в ту пору, когда еще не стал вождем, а был простым, хотя и довольно ловким немецким шпионом...

Вспомнив о конспирации и прочих серьезных вещах, он встал из-за стола и снова наведался в туалет, где, скомкав и обернув бумажным полотенцем, выбросил в урну испачканные кровью перчатки. Кровь, разумеется, была бутафорская; один пластиковый пакетик с нею он украдкой положил в рот, делая вид, что намеревается закурить сигарету, а другой держал в ладони и, когда пришло время, раздавил о голову. Спрятанная в багажнике и приведенная в действие сигналом с мобильного телефона самодельная пороховая хлопушка сымитировала выстрел из оснащенной глушителем винтовки. Стрелять, по замыслу, должны были сверху, и почти одновременно хлынувшая из виска и рта кровь убедила благодарных зрителей в том, что направленная под острым углом пуля прошла мозг навывлет, пробила на выходе мягкое небо и затерялась где-то в глубинах его организма.

Воистину, на всякого мудреца довольно простоты! Стрельцов – третий калач, прошел две войны, не говоря уже о бесчисленных разборках, и на пике карьеры купился на самодельный

спектакль, как пожилая учительница пения, падающая в обморок при виде порезанного пальца. Вот и говори после этого, что Бога нет... Кто ж ему тогда глаза застил – Дарвин со своей теорией эволюционного развития?

К столу он приблизился почти одновременно с официанткой, которая принесла заказанное им пиво. Это было вполне предсказуемо – мясо жарится дольше, чем наполняется бокал, – но он все равно был разочарован, поскольку терпеть не мог пиво и заказал его только потому, что это слово было частью условленного пароля. Впрочем, то, что заказано и оплачено, вовсе не обязательно должно быть выпито; так тому и быть, решил он. На протяжении последней пары недель ему так часто приходилось полоскать рот спиртным для придания дыханию соответствующего аромата, что он постоянно чувствовал себя не то чтобы пьяным, но и не вполне трезвым. Это состояние надоело ему хуже горькой редьки, и, отодвигая бокал на дальний край стола, он испытал что-то вроде мстительного удовольствия.

Он как раз собирался разжать лежащие на холодном, слегка запотевшем стекле пальцы, когда со стороны низкой арки, ведущей в соседний зал, кто-то громко позвал:

– Молчанов! Федор! Это ты или не ты?

Услышав свой старый, давно не используемый псевдоним, он даже не сразу понял, что обращаются к нему, а когда понял, едва не плюнул с досады: ну что ты будешь делать! Москва – один из крупнейших городов планеты, настоящий мегаполис. Профессиональный математик со способностями выше среднего, возможно, взялся бы учесть неисчислимое множество случайных факторов и подсчитать процент вероятности незапланированной встречи со старым знакомым в этом суетном, кишашем миллионными толпами, вечно куда-то спешащем людском муравейнике. При этом даже без высшего математического образования было ясно, что упомянутый гений рискует в процессе подсчета лишиться рассудка, и, что самое печальное, без видимого смысла: и так ведь ясно, что упомянутая вероятность близка к нулю. И вот он, один шанс на сколько-то там миллионов: невысокий, сухопарый, почти не изменившийся за десять лет, только заметно поседевший и как будто подсохший человек стоит в дверях и улыбается во все тридцать два вставных зуба!

На размышления и колебания ушла доля секунды. Можно было попытаться все отрицать, но стоявший у входа человек обладал феноменальной, прямо-таки фотографической памятью на лица. При этом он точно знал, кем был десять лет назад Федор Молчанов, и попытка выдать себя за кого-то другого привела бы к результату прямо противоположному желаемому: старик в два счета сообразил бы, что он на задании. В силу целого ряда причин это было недопустимо, а значит, выход оставался только один: оставаться в образе. Да, Федор, он самый и есть; сколько лет, сколько зим! Потрепанный вид, запах перегара и кружка пива на столе без слов объяснят остальное: Федот, да не тот. Постарел, вышел в тираж, опустился, запил – с кем не бывает?..

Он решительно придвинул к себе пиво, сделал для разгона могучий глоток, а потом шумно встал и, широко, словно для объятий, раскинув руки, радостно возопил на весь зал:

– Какие люди! Глазам не верю! Ник-Ник, это ты?! Сколько лет, сколько зим!

Глава 5

Как всякий опытный боец, Николай Николаевич Безродный обладал развитой интуицией, прекрасно об этом знал и привык на нее полагаться. Он прожил на свете без малого шесть десятков лет; это были не самые легкие и приятные годы, и за все это время внутренний голос ни разу не посоветовал ему плохого. Следуя его подсказкам, он уклонялся от ударов и наносил ответные, а то и бил первым. Среди его знакомых, друзей и учеников был широко известен случай, когда Ник-Ник без видимой причины передумал лететь на соревнования самолетом и, обменяв билет, двое суток трясся в плацкартном вагоне по железной дороге. Самолет тогда разбился и сгорел, из тех, кто был на борту, не выжил никто, и с тех пор, если Безродный говорил: «Мне кажется», – все относились к его осторожным прогнозам как к констатации свершившегося факта.

Когда с утра пораньше он отправился на Петровку, 38, чтобы убедить тамошнее высокое начальство выделить личную охрану для Марата Дугоева, ему *казалось*, что ничего путного из этого не выйдет. Интуиция не подвела его и на этот раз, тем более что в данном конкретном случае она нисколько не противоречила простому здравому смыслу: МВД – не частное охранное предприятие, а чемпион России по боям без правил – да хоть бы и по фигурному катанию, какая разница?! – не президент и не спикер Думы, чтобы его охраняли люди в погонах.

Спору нет, полковник, который с ним беседовал, был вежлив и даже доброжелателен. Он обожал боевые единоборства, ценил огромный личный вклад Николая Николаевича в развитие этого вида спорта и не сомневался, что, отправив в глухой аут стопятидесятикилограммового чемпиона мира из штата Техас в далеком Нью-Йорке, Черный Барс Дугоев не только стяжает чемпионский пояс, славу и немалые деньги, но и поспособствует повышению международного престижа России. Полковник был целиком и полностью согласен с тем, что осуществить эти амбициозные планы сможет только живой претендент на чемпионский титул и что будущего чемпиона надлежит беречь как зеницу ока. Если бы это было в его власти, он сам, лично, пошел бы к Дугоеву в телохранители. Но надобно же понять и его, полковника имярек: он не Господь Бог и не в состоянии накормить пятью хлебами всех, кто нуждается в пище! Да, личный состав ГУ МВД по Москве и Московской области насчитывает больше чем пять полицейских, но его катастрофически не хватает. Охранять частное лицо за казенный счет никто не позволит, платных услуг МВД официально не оказывает – еще чего не хватало, – а на оказание таковых неофициально нынче смотрят весьма и весьма косо. И потом, неужели уважаемый Николай Николаевич действительно полагает, что сколько-то там сонных, не прошедших курс специального обучения сержантов сумеют остановить того, кто всерьез вознамерился расстрелять без пяти минут чемпиона мира? Я вас умоляю! Нынче каждый божий месяц убивают куда более крупных и влиятельных людей, и никакая охрана их не спасает...

– В Москве навалом ЧОПов, – продолжал полковник, – и среди них попадаются по-настоящему хорошие. Этот город буквально кишит ветеранами спецслужб и особых подразделений, которые будут несказанно рады тряхнуть стариной и заодно поправить свое материальное положение. Чуть что, бежать в полицию – это нормальная реакция законопослушного обывателя на возникшую угрозу. Но мы-то с вами умные, выдавшие виды люди и понимаем, что в этом мире просто только кошки рождаются...

Проглотив готовые сорваться с губ горькие слова, Николай Николаевич несолоно хлебавши покинул известное всей России здание на Петровке. Ничего нового он тут не услышал; честно говоря, он на это и не рассчитывал, визит сюда был просто частью обязательной программы. Теперь, если принятые им к обеспечению безопасности Дугоева меры покажутся кому-то чересчур крутыми, он может сослаться на этот визит и задать резонный контрольный вопрос: а что, скажите на милость, мне оставалось делать?

Когда в низком полутемном зале пользующегося сомнительной репутацией кафе Ник-Ник вдруг заметил смутно знакомое лицо, его интуиция среагировала на изменение обстановки раньше, чем память выдала на-гора нужный файл. «Да вот же он!» – даже не шепнул, а прямо-таки возопил внутренний голос, и, приглядевшись, Безродный понял: да, это вот он самый и есть – тот, кто нужен ему позарез.

Звали его, насколько было известно Ник-Нику, Федором Молчановым. В далеком две тысячи третьем, когда Безродный в качестве инструктора по рукопашному бою повышал квалификацию профессиональных душегубов с Лубянки, парень ходил в капитанах. Впрочем, Николай Николаевич достаточно долго и плотно общался с представителями небезызвестного ведомства, чтобы верить скрепленным гербовой печатью спискам личного состава или даже паспортам своих временных подопечных не больше, чем передаваемым по государственным телеканалам новостям. И имя и звание могли быть другими; о чем опытный тренер мог судить с некоторой долей уверенности, так это о личных качествах того или иного курсанта.

Поначалу Молчанов привлек его внимание тем, что даже во время тренировок и учебных поединков с коллегами не снимал темные очки. На борцовском ковре солнцезащитные очки так же излишни, как и любой другой аксессуар, будь то дамская сумочка, шелковый галстук, шляпа или шикарный поясной ремень от известного производителя. Они периодически падали, ломались и растаптывались, но Молчанов надевал взамен вышедших из строя окуляров новые с таким упорством, что первым делом пришедшая Ник-Нику в голову мысль о собственном этому человеку дешевом фанфаронстве отпала сама собой. Он взял на себя смелость навести справки, и, поскольку заданный им вопрос имел прямое отношение к его должностным обязанностям, высокое начальство сочло возможным на него ответить. Ответ оказался простым и, если бы не родившееся еще в восьмидесятых стойкое предубеждение Ник-Ника против представителей силовых структур, вполне очевидным: острая светобоязнь, ставшая следствием давнего ранения в голову.

Из песни слова не выкинешь: темные очки действительно были первым, что выделяло курсанта Молчанова из общего строя. Они настолько приковывали к себе внимание, что прошло немало времени, прежде чем Безродный понял: этот парень, хоть в очках, хоть без, способен дать фору многим и многим.

На стрельбище, куда Ник-Ник однажды напросился, чтобы потешить беса, расходуя казенный боезапас, равных Молчанову не было: он попадал в любую цель из любого положения так же легко и непринужденно, как если бы, подойдя вплотную, просто тыкал в нее пальцем. Рефлексы у него были отменные, но Молчанов на них не полагался, предпочитая – а главное, успевая – думать даже в самых острых, требующих мгновенного решения ситуациях. Умения и опыта ему тоже было не занимать, и даже сейчас, тренируя будущего чемпиона мира, Ник-Ник точно знал: его нынешний воспитанник, если что, не продержится против Молчанова или человека подобного ему и тридцати секунд – естественно, лишь в том случае, если дело будет происходить не на ярко освещенном ринге в присутствии сотен зрителей, а в темной подворотне и без свидетелей. Марат Дугоев был натаскан на участие в эффектном шоу с элементами насилия, Молчанов – на быстрое, тихое, эффективное убийство с минимальными затратами времени и энергии.

Говоря коротко и по существу, это был профессиональный душегуб экстра-класса, и, увидев его живым по прошествии долгих восьми лет, Ник-Ник испытал немалое удивление: он искренне и не без оснований предполагал, что так долго этот парень при своей работе не протянет.

Конечно, это время не прошло для него даром. Годы оставили на нем свой след, такой заметный, характерный и ярко выраженный, что эпитет «бывший» в отношении капитана Молчанова напрашивался сам собой. Физически он сохранился недурно, но пребывающая в явном беспорядке потрепанная одежда, стиль которой приличествовал скорее дурно воспитанному

подростку, чем ветерану спецслужб, небритое, осунувшееся, обрюзгшее лицо и кружка пива на столе в разгар рабочего дня говорили сами за себя. Перед Ник-Ником был моральный калека, никчемный человеческий огрызок, пережеванный и выплюнутый за ненужностью бездушной машиной своего департамента.

Интуиция подсказывала, что это идеальный вариант – такой, что лучшего Безродный не нашел бы, даже потратив на поиски кучу времени и денег. Рассудок услужливо поддакнул: да-да, вот именно, – и напомнил: не забывай, кстати, что времени у тебя кот наплакал, с деньгами тоже туговато, а этот, помимо всего прочего, много не запросит – разве что немногим больше, чем охранник в супермаркете...

Какая-то часть мозга еще просчитывала возможные варианты развития событий, а рука уже сама собой поднялась в приветственном жесте, и Безродный с радостным изумлением воскликнул:

– Молчанов! Федор! Это ты или не ты?

Сидевший за столом человек в потертой мотоциклетной кожанке устремил на Николая Николаевича слепой взгляд темных блестящих линз, какое-то время смотрел, не узнавая, а потом, словно для прочистки мозгов отхлебнув из стоявшего перед ним бокала с темным пивом, вдруг просиял, шумно поднялся из-за стола и, распахнув объятия, радостно вскричал:

– Какие люди! Глазам не верю! Ник-Ник, это ты?! Сколько лет, сколько зим!

Коротким кивком попрощавшись с предыдущим собеседником, который все еще торчал у него за спиной в коридоре, с насмешливым изумлением разглядывая Молчанова, Николай Николаевич решительно направился к столу. После пахнувших крепким табаком, водочным перегаром и застарелым потом объятий, которыми встретил старого знакомого бывший чекист, Безродный наконец уселся и, подзвав официантку, заказал бутылку водки – этот универсальный и безотказный инструмент привлечения склонных к злоупотреблению спиртным соотечественников на свою сторону.

При этом Ник-Ник четко осознавал, что беззастенчиво пользуется прискорбной слабостью собеседника и что это, мягко говоря, нехорошо. Но на дворе стоял двадцать первый век, и на много верст вокруг шумела Москва – город, в котором понятия «хорошо» и «плохо» не то чтобы поменялись местами, но приобрели иной, не свойственный им ранее смысл. Хорошо только то, что хорошо для тебя лично. Если подвиг и подлость одинаково идут тебе на пользу, разницы между ними нет. Но подвиг чаще всего венчает фанерная звезда на братской могиле и всеобщее забвение, для удобства именуемое вечной памятью, тогда как подлость неизменно приносит солидные дивиденды. При этом историю, как известно, пишут победители, и именно поэтому то, что в девятнадцатом веке послужило бы поводом для вызова на дуэль, в двадцать первом служит примером для подражания.

Предмет невеселых размышлений Ник-Ника был доставлен с похвальной расторопностью, как будто молоденькая симпатичная официантка подслушала его мысли и целиком разделила его точку зрения. Фирменный стиль данного заведения базировался на простоте и честности; Безродный не знал, из чего в таком случае его владельцы извлекают сверхприбыль, но мясо здесь всегда было мясом, пиво – пивом, а водка – водкой, а не разведенной водой в пропорции один к одному субстанцией в трехсотграммовом графинчике, продаваемой по цене элитной поллитровки. Поданная им выпивка, таким образом, представляла собой самую обыкновенную бутылку с ностальгической этикеткой; перед тем как торжественно водрузить бутылку на стол, официантка с треском свернула ей голову, и Ник-Ник, благодарно кивнув, придвинул к себе две граненые, расширяющиеся кверху стопки на тонких кокетливых ножках.

– Не рановато? – с сомнением разглядывая наполненную до краев стопку, поинтересовался Молчанов.

– Счастливые часов не наблюдают, – напомнил Ник-Ник, – особенно в России. То есть, если у тебя режим... Короче, как знаешь. А я выпью. У меня сегодня, считай, праздник. Я-то

думал, что тебя, чертяку, давно похоронили в какой-нибудь Чечне, а ты живехонек... Вот она, радость нечаянная! За это не выпить – себя не уважать. Короче, за тебя, Федор... э-э-э...

– Просто Федор, – решительно беря стопку за осиную талию, сказал Молчанов. – Спасибо, Ник-Ник. Честно говоря, уже и не припомню, когда слышал в свой адрес такие приятные слова.

Ему принесли стейк. Безродный, хорошо знавший здешнюю кухню, потребовал для себя то же самое. Молчанов разрезал свое мясо пополам и настоял на том, чтобы тренер не пил без закуски; он неплохо держался, но Николай Николаевич отчетливо видел, что его понесло буквально с первой рюмки. Подыгрывая собеседнику, он стал есть его вилкой с его тарелки; Молчанов не отставал, пользуясь вместо вилки тупым столовым ножом. Такие трапезы сблизжают, особенно когда настоящие мужчины едят отлично приготовленное мясо с кровью, и уже после второй рюмки Ник-Ник, наплевав на условности, плавно перевел разговор на интересующую его тему.

* * *

Громыхая разболтанной подвеской, от руки размалеванный камуфляжными разводами и пятнами «уазик» бодро скакал по многочисленным неровностям одного из разбитых танкодромов, в России по привычке именуемых дорогами. Дождей не было уже полных две недели, и за машиной длинным клубящимся шлейфом тянулась пыль. Ее могло бы быть меньше, снизь водитель скорость до приличествующих случаю двадцати километров в час, но он продолжал давить на газ, из чего следовало, что ему глубоко начхать как на дальнейшую судьбу своего тюнингованного на местечковый лад автомобиля, так и на удобства отчаянно цепляющегося за приваренный к передней панели поручень пассажира.

Когда рельеф местности дал ему возможность говорить без опасности откусить себе язык, последний подал голос.

– Не пойму, куда ты так торопишься, – сварливо, ибо был уже далеко не молод и давно отвык от подобных прогулок, произнес он.

– У меня чувствительный нос, – коротко блеснув в его сторону темными стеклами солнцезащитных очков, весело откликнулся водитель, – а мертвецы, независимо от того, были они при жизни генералами или бомжами, пахнут одинаково. Так что мое дело шоферское – доставить тело к месту упокоения, пока оно не прово... э... гм... пока обивка салона не впитала неприятный запах.

– Юморок у тебя, Глеб Петрович... – вздохнул пассажир, привычно потирая ушибленный при падении с лестницы локоть. Падение было многократно и очень тщательно отретпировано, но возраст взял свое, и пустяковый ушиб до сих пор отзывался неприятной ноющей болью в локте. – Слушай, где ты откопал этот драндулет?

– В Калуге, – с охотой сообщил Глеб Сиверов, – на автомобильном рынке. На генеральском «мерине», конечно, было бы комфортнее, но, боюсь, до пункта назначения по таким дорогам он бы просто не дотянул. А во что превратили бы его в процессе ремонта местные Кулибины, мне даже подумать страшно. Так что привыкайте, Федор Филиппович, на ближайшую пару месяцев это ваша машина. Можно сказать, ваша единственная связь с внешним миром...

– Тогда тем более не гони, – сердито сказал генерал Потапчук, пытаясь расположиться на драном дерматиновом сиденье так, чтобы перестать прыгать, как горошина в свистке. – Взяти, понимаешь, моду – чужие машины гробить!

Агент по кличке Слепой только коротко хмыкнул в ответ. В плане чинопочитания и соблюдения субординации худшего подчиненного было не сыскать. Да и как требовать уважения к погоням от человека, для которого генералы – такая же законная дичь, как и все про-

стые смертные, начиная от немытого исламского боевика и кончая депутатом верхней палаты Государственной думы?

Генерала ФСБ Потапчука и его лучшего, уникального в своем роде агента связывали отношения куда более близкие, чем те, которые обычно связывают стрелка на твердом окладе и его работодателя. Их проверенная временем дружба была круто замешена на крови. Однажды – как казалось обоим, миллион лет назад, в прошлой жизни, – Федор Филиппович в силу острой необходимости отдал приказ о ликвидации Слепого, а Глеб Сиверов – опять же, не из прихоти, а по воле обстоятельств – вогнал в своего непосредственного начальника меткую пулю. После того случая ни один из ежегодных медосмотров, проходимых генералом, не обходился без упоминаний о чуде, которые звучали особенно одиозно из уст военных хирургов; что до Слепого, то он медосмотрами манкировал – ему с головой хватало ночных пробуждений, когда его чуткий сон нарушали капающие на изборожденную шрамами грудь слезы жены.

С тех полузабытых пор каждому из них не раз доводилось умирать – естественно, только понарошку, в силу оперативной необходимости. Они столько лет играли на грани фола и ходили по краю пропасти, что между ними давно не осталось недоговоренностей, и порой Федор Филиппович всерьез задавался вопросом: а кто, собственно, является мозговым центром операции – генерал ФСБ Потапчук или его агент, который, если верить официальным данным, отдал Богу душу еще в Афганистане?

Слепой всю жизнь ходил на коротком поводке, но у Федора Филипповича хватало ума не слишком сильно этот поводок натягивать. В результате, когда кое-кто захотел убрать чересчур, по их мнению, любознательного генерала, под рукой, как по заказу, очутился идеальный исполнитель. Он израсходовал энное количество боеприпасов и заснял весь процесс на видео; ловкость рук и элементарный грим довершили дело, в результате чего волки оказались сыты, а овцы целы – если, конечно, можно говорить об овцах применительно к описываемой парочке.

– А занятно получается, – будто подслушав мысли генерала, сказал Слепой. – Мертвый мертвого везет. Айда прямо в Голливуд! Предъявим справки о смерти и будем получать миллионные гонорары, изображая зомби в оскароносных боевиках!

– Трепло, – буркнул Федор Филиппович.

– Неужели не хочется подружиться с Милой Йовович? – удивился Глеб. – Она у них главная специалистка по зомби. И при этом – звезда, горячая штучка с украинскими корнями...

– Впервые слышу, – ворчливо сообщил генерал.

– М-да, – сказал Сиверов. Добавить было нечего.

Дорога нырнула в раскрашенную яркими цветами ранней осени березовую рощу, под колеса лег слегка пружинящий золототканый ковер опавшей листвы. Слетевший с ветки листок прильнул к пыльному ветровому стеклу, повисел там немного, а потом соскользнул и, закрутившись штопором, косо упорхнул назад и вниз. Пыли снаружи не стало, и генерал, взявшись за черный кругляш привинченной к боковому стеклу ручки, с усилием сдвинул его назад, открыв форточку. В машину ворвался тугой встречный ветер, пахнувший палыми листьями, сыростью и грибной прелью. Запах был осенний, знакомый с детства и уже основательно подзабытый. В кабинетах и коридорах небезызвестного здания на Лубянке ничем таким не пахнет, а в столичных скверах и парках лишь изредка можно уловить слабый намек на этот чистый горьковатый дух, неизменно вызывающий в душе окрашенный светлой грустью отклик.

– Да, кстати, – разрушив начавший овладевать Федором Филипповичем романтический настрой, снова заговорил Сиверов, – у меня для вас еще парочка сувениров. Так сказать, малый набор отшельника.

Не сбавляя скорости, он просунул правую руку в просвет между спинками сидений, пошарил сзади, кряхтя, выпростал руку и протянул генералу небольшую матерчатую сумку на длинном ремне.

– Неравноценная замена вашему любимому портфелю, – добавил он. – Но с портфелем неудобно колоть дрова и ходить по грибы, а эту штуку можно таскать на боку хоть целый день – и руки свободны, и все хозяйство при вас.

Федор Филиппович взял сумку, внушительный, не по размеру, вес которой прозрачно намекал на содержимое. Откинув матерчатый клапан и заглянув внутрь, он убедился, что интуиция его не подвела: в сумке лежал пистолет с двумя запасными обоймами на восемнадцать патронов каждая и спутниковый телефон с зарядным устройством.

– Пистолет-то зачем? – ворчливо поинтересовался он. – Да еще и с целым складом боеприпасов в придачу... Я ни с кем воевать не собираюсь! Как, к слову, и колоть дрова.

– В хозяйстве и пулемет пригодится, – афористично ответил Сиверов. – Это вы не собираетесь воевать, так вас ведь могут даже и не спросить.

– Типун тебе на язык, – сказал Потапчук. – Вот за телефон спасибо.

– Нашли, за что благодарить, – фыркнул Слепой. – Вспомните генерала Дудаева. Ракета, которой его накрыло, прилетела на звонок как раз с такого телефона. Прямо как такси по вызову, только намного быстрее: звяк – шмяк, и нету президента независимой Ичкерии...

– А, чтоб тебя! Как только воскресну, сразу проконсультируюсь с лучшими пластическими хирургами на предмет укорочения твоего языка.

– Да вы не волнуйтесь так, товарищ генерал, – задушевым тоном, ясно говорившим о том, что ему еще не наскучило дразнить начальство, произнес Глеб. – На этот раз мы воюем не с государственной силовой структурой, а всего-навсего с шайкой контрабандистов. Руки у них короткие, да и вообще... Вообще Россия такая большая и в ней столько бардака, что наладить тотальную слежку за населением нет никакой возможности.

– А ты и рад, – с оттенком упрека предположил Потапчук.

– А вы не рады? – удивился Слепой.

Генерал промолчал. Тут его агент, пожалуй, был прав. Тотальный контроль, отдельные попытки которого периодически предпринимаются в странах с высоким уровнем развития технологий, – вещь, бесспорно, хорошая, особенно когда речь идет о борьбе с терроризмом, раскрытии преступлений и охране правопорядка. Но любую хорошую вещь можно использовать сотней различных способов. Драгоценная статуэтка работы Бенвенуто Челлини может стать орудием убийства, а отлаженная система тотального наблюдения, попав не в те руки, послужит установлению такой диктатуры, какая еще не снилась этой старой, многое повидавшей планете. Так что пусть ее, эту систему, жили без нее и еще, даст бог, сколько-нибудь проживем...

Неяркое осеннее солнце пробивалось сквозь поредевший полог листвы короткими частыми вспышками, похожими на вспышки стробоскопа, по салону «уазика» стремительно скользил, ежесекундно меняясь, причудливый пятнистый узор света и тени. Сиверов сунул в зубы сигарету, открыл форточку со своей стороны, ловко прикурил одной рукой и окутался облаком душистого дыма. Завистливо покосившись на него, Федор Филиппович развернул мятный леденец.

Дорога выбралась из рощи, вскарабкалась на лысый нераспаханный пригорок, и прямо по курсу распахнулась поросшая желтеющими купами кустарника равнина. В отдалении, подернутый синеватой дымкой, темнел, уходя к горизонту, какой-то лесной массив; тихая равнинная речка была отмечена извилистой лентой прибрежных ивовых зарослей, а над ней, утопая в забрызганной золотом и багрянцем, еще довольно густой зелени садов, виднелись замшелые крыши небольшой деревеньки.

– Можно сказать, приехали, – объявил Сиверов, направляя машину вниз по склону. – По-моему, очень милое местечко.

– Медвежий угол, – проворчал генерал.

– Возможно, – согласился Слепой. – Зато медведи не занимаются контрабандой алмазов в промышленных объемах и не отстреливают генералов, которые мешают им делать бизнес. Кстати, об алмазах. Какие будут распоряжения на время вашей загробной жизни?

– Праздный вопрос, – заметил Потапчук. – Ты знаешь план операции не хуже меня. Теперь, когда препятствие в моем лице устранено, они почувствуют себя свободно и начнут активно действовать. Прикрыть их лавочку мы могли уже давно, одно покушение на меня потянуло бы лет на двадцать строгого режима для всей честной компании. Но коллеги из Штатов очень просили повременить, чтобы проследить всю цепочку – от якутских кимберлитовых трубок до, сам понимаешь, ювелирных бутиков на Бродвее. Ты свою часть работы выполнил, остальное сделают другие...

– Конечно, – саркастически вставил Сиверов, – как на грязном полу в литейном цеху валяться, так Глеб Петрович, а как в смокинге по Бродвею дефилировать – это, конечно, другие, я для такой работы рылом не вышел...

– Как и я, – сдержанно напомнил генерал. – Где родился, там и сгодился, всяк сверчок да познает приличествующий ему шесток... Отдыхай, Глеб Петрович. Неужто до сих пор не настроился?

– ПВО, – как показалось Федору Филипповичу, невпопад откликнулся Слепой. – Пока война, отдохнем, после войны отработаем... Мне тут поступило одно предложение. Вот я и думаю: раз образовался незапланированный отпуск, может, согласиться?

– А что за предложение? – слегка насторожился Потапчук. – Надеюсь, ты не собираешься открыть частный бизнес по своей основной специальности?

– Пока не собираюсь, – с шутовской серьезностью заверил Глеб. – Вы боями без правил интересуетесь?

– Мне некогда интересоваться ерундой, – сообщил генерал, – у меня вся жизнь – сплошной бой без правил. Ты что, хочешь попробовать себя на ринге? А не поздновато?

– Рановато, – поправил Слепой. – Я еще не настолько выжил из ума, чтобы на потеху почтеннейшей публике прыгать без штанов по рингу, делая вид, что дерусь с человеком, которого могу убить одним пальцем. Нет, местечко, которое мне предлагают занять, находится по другую сторону канатов. Марат Дугоев – не слышали про такого? Действующий чемпион России, претендент на звание чемпиона мира.

– И?..

– И ему вдруг срочно понадобился телохранитель. Ему постоянно угрожают, а на днях даже обстреляли прямо в центре Москвы, на крыльце спортивно-развлекательного комплекса. Стрелявшего, естественно, не нашли, угрозы продолжают поступать...

Генерал пожал плечами:

– Оно тебе надо? И потом, я что-то не пойму, каким образом этот Дугоев вышел на тебя. Ты что, начал себя рекламировать как специалиста по улаживанию щекотливых проблем? Вот так новость!

– Случайность, – немного смущенно ответил Глеб. Федору Филипповичу была понятна природа этого смущения: как и он сам, Сиверов давно привык относиться к случайным совпадениям с изрядной долей скепсиса. – Помните, в самом начале десятилетия в нашей конторе работал такой инструктор по рукопашному бою, Николай Безродный? Невысокий такой, шупловатый, прозвище – Ник-Ник...

– Мм? Не припоминаю... И что?

– Он сейчас тренирует Дугоева. Наткнулся на меня в кафе, где я встречался с вашим связным, узнал и сразу предложил эту работу. Решил, по всей видимости, что я уволился и делаю все возможное, чтобы пропить талант. Я же был сразу после литейки – так сказать, в образе, бомж бомжем.

– Сильно же он дорожит своим подопечным, раз нанимает ему в телохранители алкаша, – заметил генерал.

– Ну, он-то знает, что талант не пропьешь, – заступился за тренера Глеб. – В нашем деле бывших не бывает, профессионал остается профессионалом при любых обстоятельствах. Зато пьющий профессионал, особенно сильно пьющий, намного сговорчивее, да и обходится дешевле: залил ему глаза, и он на все согласен.

– Глупость какая-то, – проворчал генерал Потапчук. – Впрочем, это твое свободное время, и ты волен убивать его по собственному усмотрению. Главное, чтобы, когда понадобится, был как штык, по первому звонку.

– Постараюсь, – сказал Глеб. – Просто бой за чемпионский пояс состоится в Нью-Йорке, – торопливо добавил он, заметив изумленный взгляд генерала, – а на возвращение оттуда даже по первому звонку может понадобиться какое-то время.

– Ишь ты, – хмыкнул Федор Филиппович, – наш пострел везде поспел! Не мытьем, так катаньем, да? Не сидится дома хлопчику малому... Нью-Йорк ему подавай!

Сиверов улыбнулся, сворачивая на малоезжую грунтовку, что, едва виднеясь в высокой жухлой траве, тянулась вдоль деревенской околицы. Слева от дороги, обнесенные низким штакетником, виднелись сады. Ветви старых корявых яблонь склонялись к земле под грузом спелых плодов, среди зелени темнели замшелые срубы бань и сараев, в зарослях крапивы чернели покосившиеся будки нужников. Дорогу перебежала рослая рыжая дворняга; запрокинув голову, она с усилием тащила в зубах тяжелый трехлитровый чугунок, явно похищенный с чужого подворья. За ней, оставляя в пыли извилистый след, волочился пристегнутый к широкому обтрепанному ошейнику обрывок ржавой цепи. Сиверов фыркнул, заметив на конце цепи кусок синей ленты, которой та, несомненно, некогда была привязана к вбитому в стену будки гвоздю. «Тотальный контроль, – вспомнил он, глядя на это яркое проявление истинно русского менталитета. – Ну-ну!»

Он остановил машину около крайнего подворья. Дальше дороги не было, колеи просто терялись в траве, бесследно растворяясь в первозданном российском бездорожье. Выпрыгнув из кабины, с удовольствием разминая ноги, Глеб подошел к забору и, приподняв, одну за другой развел в стороны створки ворот заднего, хозяйственного въезда во двор. Загнав машину в сад, он снова вышел, чтобы повторить операцию со створками в обратном порядке.

Пока его агент воевал с вросшими в дерн, сколоченными из подгнившего штакетника воротами, Федор Филиппович тоже выбрался из машины и прогулялся в сторону дома. В воздухе пахло перестоявшей травой и доспевающей антоновкой, в присыпанной опавшей листвою жухлой тимофеевке желтели круглые бока яблок. Генерал подобрал одно, обтер о полу пиджака и понюхал, а потом, не устояв перед соблазном, надкусил. Антоновка, как ей и полагается в эту пору года, оказалась кислой и чересчур твердой для его зубов. Федор Филиппович вздохнул и не без сожаления выбросил яблоко обратно в траву.

Дом был старый, но еще крепкий. Он стоял на высоком кирпичном фундаменте, глядя на нового жильца радужными от старости, но промытыми дочиста оконными стеклами. У вросшего в землю сарая громоздилась похожая на юрту кочевника круглая поленница березовых дров, запущенный палисадник сплошь зарос побегами сирени, которая местами поднялась в два человеческих роста, скрыв фасад от нескромных взглядов прохожих.

– Цена крови, – сказал подошедший сзади Сиверов. – Вашей крови, товарищ генерал. Значит, смотрите. Удобства в доме. Канализация, правда, местная, но она есть, и это большой плюс, который станет еще больше, когда начнутся холода. Печка не дымит, я проверял, и тепло держит вполне прилично. Баня – вон она, за сараем. Лес – там, в нем, по слухам, грибов – хоть косой коси. Речка в двух шагах, и рыбы в ней, если верить местным, предостаточно. Магазин в центре деревни, это, как выйдете из ворот, налево... Да, собственно, не заблудитесь, направо-то – чистое поле... Это, конечно, не Нью-Йорк, зато тут не в пример спокойнее, чем

на Бродвее. С соседями как-нибудь договоритесь, люди они неплохие, хотя и сильно пьющие... Легенду свою помните? Вы – военный пенсионер, решили на старости лет податься поближе к природе...

– Дауншифтер, – блеснул познаниями в модном жаргоне генерал. – Да, Глеб Петрович, загнал ты меня, куда Макар телят не гонял! Считаю, заживо похоронил. Нарочно, что ли? Избавиться от меня решил?

– Зато здесь вас ни одна собака не найдет, – с озабоченностью, которая не была наигранной, сказал Слепой. – Соседям, конечно, будет любопытно, что вы за птица, но настучать на вас они гарантированно не смогут – просто не сообразят, кому стучать. В самом крайнем случае заглянет участковый, проверит документы. Они у вас в полном порядке, так что...

– Да будет уже, – нетерпеливо прервал его Федор Филиппович. – Я не умственно отсталый, чтоб разжевывать для меня элементарные вещи. Давай показывай, что за хоромы ты для меня приготовил. Да, и напомни-ка, будь добр, как зовут этого твоего тренера?

– Безродный, – вынув из кармана и протягивая ему связку ключей, сказал Глеб. – Николай Николаевич. Неужто не помните?

– Нет, – подумав, решительно объявил генерал Потапчук, – не помню. Ну ладно, надо будет – вспомню.

Обронив эту загадочную фразу, он поднялся на крыльцо и принялся со стариковской медлительностью подбирать ключи к дверным замкам. Это удалось с третьей попытки. Тяжелая дверь тихонько скрипнула, впустив его в пахнущий сухими травами и мышами сумрак сеней. Глеб Сиверов озадаченно почесал в затылке, пожал плечами и решительно последовал за генералом в его временное убежище.

Глава 6

В раздевалке бубнили голоса. Помещение было большое, рассчитанное на одновременное пребывание солидного количества посетителей спортивно-развлекательного центра; ряды жестяных шкафчиков превращали его в настоящий лабиринт, в котором звук гулял, как ему заблагорассудится, так что, стоя у дверей, было трудно понять, откуда доносятся голоса, чьи они и о чем идет разговор.

Впрочем, о том, кто говорит, догадаться было нетрудно. У Ник-Ника не хватало средств на приобретение или хотя бы аренду отдельного, должным образом оборудованного для тренировок будущего чемпиона мира спортивного зала. Но выкупить зал на время занятий с Дуговым он мог себе позволить, и тот тренировался так, как надлежит чемпиону: без посторонних глаз и очередей к тренажерам и спортивным снарядам, в компании тщательно отобранных спарринг-партнеров. Всего их было трое, и каждый был особенно хорош в чем-то одном: кто-то славился фирменным неотразимым хуком слева, кто-то был отобран за особую подвижность и манеру нападать на соперника чуть ли не со всех сторон одновременно, как бы заключая его в центр бешено вращающейся и непрерывно сыплющей ударами сферы, а последний, третий, по фамилии Белов, во-первых, отлично держал удар, во-вторых, сам бил, как из пушки, а в-третьих, по комплекции и весу приближался к действующему чемпиону мира, техасцу по прозвищу Бешеный Бык, который, как было доподлинно известно Безродному, тянул на полных полтора центнера.

Когда Ник-Ник подошел к своему шкафчику, голоса стали разборчивее. Они доносились из соседнего прохода, и, если бы тренер взял себе за труд подтянуться на руках и посмотреть поверх составленных спина к спине шкафчиков, беседующие стали бы видны ему как на ладони. Разумеется, ничего подобного он делать не стал, поскольку уже узнал голоса. Один принадлежал упомянутому выше Белову; обладатель второго голоса был Дугоев.

– Чудак ты, Барсик, ей-богу, чудак, – дружелюбно басил Белов. – Такой большой, брешься по два раза в день...

– По три, – поправил Марат.

– Тем более. А в сказки до сих пор веришь! Конечно, перед финальным боем чемпионата мира надо быть в форме, кто же с этим спорит! Но надрываться-то зачем? На таком уровне последний, от кого зависит итог поединка, – это боец. Ты можешь пить виски ведрами и жрать гамбургеры, как этот техасец, а можешь ночевать в спортзале в обнимку с грушей – от этого ничего не изменится. Все равно, как Ник-Ник договорится с тренером американца, так и будет.

– Нехорошо говоришь, Вася, – напряженным тоном произнес кавказец.

– Как есть, так и говорю, – возразил Белов. – Ты что, не знаешь, что наш вид – это не столько спорт, сколько шоу-бизнес? Если до сих пор не в курсе, поинтересуйся биографией этого своего Буффало. Вряд ли за последние пять лет он провел хотя бы один честный, недоговорной бой. Думаешь, для тебя сделают исключение?

– Я ни с кем не собираюсь договариваться, – надменно заявил Марат. – Никогда не договаривался и теперь не стану, клянусь!

– Да тебе и не придется, – хмыкнул Белов. – Ник-Ник-то на что?

– Нехорошо говоришь, – повторил Марат. – Ник-Ник не такой. Что я – его не знаю?

– Знаешь, знаешь, – насмешливо заверил Белов. – Только, видимо, недостаточно хорошо.

Если хочешь знать...

Николай Николаевич отпер свой шкафчик и нарочито громко лягнул железной дверцей. Белов осекся на полуслове.

– Мне почудилось или там кто-то бубнит? – громким ясным голосом осведомился Ник-Ник. – Вы почему до сих пор не в зале?

– Ай, мама, шухер, тренер пришел! – испуганно заголосил Марат. – Убегай, Вася, пока он нас не попалил!

– Добрый вечер, Ник-Ник, – спокойно сказал Белов.

– Физкультпривет, – откликнулся Безродный, снимая и вешая в шкафчик свою светлую спортивную куртку. – Марат, бегом в зал. Разминка, снаряды, спарринг – все как обычно. Работай. Вася, поди-ка на пару слов.

В соседнем проходе почти синхронно лязгнули, закрывшись, дверцы шкафчиков, заворочались ключи в примитивных замках; потом послышался смачный шлепок по голому. «Больно, слушай!» – воскликнул Дугоев, пребывавший, судя по всему, в отличном настроении, и убежал.

Безродный успел сменить джинсы на тренировочные брюки, когда перед ним, неторопливо обойдя длинный ряд шкафчиков, остановился Белов. Он был почти двухметрового роста, атлетического телосложения, которое подчеркивало борцовское трико, с уже наметившимся животом и по-спортивному короткой светлой густой шевелюрой. Его спортивное прозвище было Белый Медведь; больших высот он не достиг, но это его, кажется, не особенно беспокоило – по натуре он был флегматик и даже теперь, точно зная, о чем пойдет разговор, выглядел так, словно засыпал на ходу.

– Что ж ты, Васенька, дружок? – обманчиво ласковым тоном обратился к нему Ник-Ник. – Я тебя позвал в команду, чтоб ты помог парню выбиться в чемпионы. А ты что творишь?

– А что я такого творю? – сонно поинтересовался Белов.

– А ты не знаешь? Язык у тебя, Вася, длинный. Не по уму длинный, я бы сказал. Много лишнего болтаешь, расхолаживаешь парня, а у него через неделю квалификационные начинаются.

Белов подобрался, встал прямее и, набычившись, спросил:

– А что я сказал такого, чего все не знают?

– Да ничего, – согласился Ник-Ник. – Только твоей заслуги в этом нет. Не успел просто, вот и не сболтнул лишнего.

– Он уже немаленький, – сказал Белов. – Пора бы ему уже начать разбираться, что к чему. А то глядеть на него и смешно и стыдно. Не поймешь, то ли он дурак, то ли прикидывается...

– Пора или не пора, большой или маленький – это, дружок, не тебе решать. Воспитавай собственного чемпиона и делай с ним что хочешь. Хоть с кашей съешь, я тебе мешать не стану. Но и ты мне не мешай, не то...

– И что будет? – еще сильнее набычился Белов.

– Пока ничего, – затягивая шнурки на кроссовках, светским тоном сообщил Безродный. – Но если только попытаешься исправить свое упущение и опять распустишь язык, я тебе устрою такую жизнь, что ты очень обрадуешься, когда тебе предложат место школьного физрука в какой-нибудь Потьме. Отчасти ты, конечно, прав, – добавил он уже другим, почти дружеским тоном. – Наш спорт – это зрелище, шоу. Шоу-бизнес, как ты совершенно справедливо подметил. Главное слово тут – бизнес. У бизнеса свои законы, нарушать их никому не позволено, но Марату до поры до времени об этом лучше не знать. Из чисто тактических соображений. Ты ведь его знаешь, он, что называется, в горячей воде купанный. Ну что тут еще скажешь – кавказец, одно слово! Ты ему глаза откроешь – он всплывет, дверью хлопнет, и что получится? Получится, что все мои труды, все расходы – драной козе под хвост. Труды – это ладно, труд обезьяну в человека превратил. А вот за денежки свои я с тебя, ежели что, спрошу по всей строгости. Да что я! Кто нас спонсирует, знаешь? То-то, братец. С этими людьми шутить не надо, они не станут разбираться, из каких таких соображений ты им свинью подложил – из принципа или, может, за вознаграждение... Их тонкости не интересуют, им подавай результат – желательно в твердой валюте.

Белов вздохнул и, сложив на широкой груди мускулистые руки, привалился могучим плечом к шкафчику.

– Может, оно и лучше – физруком в Потьме, – сказал он задумчиво.

– Что спокойнее, это факт, – согласился Ник-Ник, легко поднимаясь с гимнастической скамейки и запирая шкафчик. – Хотя нынче пошли такие детки... В общем, это тебе решать. Как говорится, вольному воля. Смотри только не прогадай.

Разговор с Беловым оставил на душе неприятный осадок. Дело неумолимо шло к финалу, на карту было поставлено очень многое, а шило, которое Ник-Ник годами старательно прятал от своего питомца, почему-то именно теперь полезло из мешка.

Белов не врал, утверждая, что Бешеный Бык сделал карьеру на договорных боях с predetermined результатом. Вины тыхасца в этом не было, всем заправлял его менеджер, подбравший наделенного колоритной внешностью и непомерно развитой мускулатурой здоровяка в каком-то захудалом провинциальном цирке и сделавший из этого ничтожества всемирно известного обладателя чемпионского пояса. Для одного это был удачный бизнес-проект, осуществленный в истинно американской манере, для другого – воплощение американской мечты: из грязи в князи, и это, парни, по плечу любому – надо только верить в свою звезду и не сдаваться...

С менеджером тыхасца Ник-Ник познакомился на заре горбачевской перестройки, во второй половине восьмидесятых, которые еще только готовились плавно перетечь в лихие девяностые. Произошло это в камере следственного изолятора, куда Безродный угодил за организацию подпольной секции карате, а Ефим Моисеевич Штейнбок – за какие-то финансовые махинации, по тем временам преступные и уголовно наказуемые, а ныне выглядящие невинными детскими забавами, наподобие игры в куличики.

Там, в переполненной камере, они нечаянно сблизились – не то чтобы так уж прямо и подружились, но каждый по отдельности пришли к общему выводу, что они друг другу симпатичны, а по временам и полезны. Началось с того, что Ник-Ник, по счастливой случайности избежавший заражения широко распространенной бациллой антисемитизма и в ту далекую пору еще не до конца избавившийся от романтических иллюзий, отбил юного Фиму Штейнбока у блатных, которым приглянулось что-то из его гардероба. Умный, как все представители его умудренной тысячелетними гонениями нации, Фима постарался отплатить добром за добро. Следуя его советам, Безродный ухитрился избежать уголовной ответственности за свои спортивные достижения; вышло это так ловко, что даже предоставленный ему по закону бесплатный адвокат по окончании судебного процесса лишь восхищенно развел руками и похлопал в ладоши: помочь своему подзащитному у этого мешка с дерьмом была кишка тонка, зато оценить, как поется в песне, «красоту игры» он сумел в полной мере.

Сам Фима отвертеться от уголовной ответственности, увы, не сумел и так же нечаянно, как возник в жизни Ник-Ника, затерялся где-то в недрах Главного управления исполнения наказаний Российской Федерации. Какое-то время они обменивались письмами; потом два или три отправленных в зону письма вернулись к Безродному с пометкой: «Адресат выбыл». Возможно, впоследствии Штейнбок пытался возобновить переписку, но Николай Николаевич в те лихие времена менял адреса как перчатки, нигде не задерживаясь больше чем на три месяца, и связь между ними окончательно прервалась.

И вдруг года полтора назад, когда Марат только-только вышел победителем из финальной серии боев за титул чемпиона России и оба, и тренер и чемпион, еще не могли до конца поверить, что им это удалось, в квартире Ник-Ника раздался телефонный звонок. Николай Николаевич снял трубку, и поначалу показавшийся абсолютно незнакомым голос, отчаянно картавя, с неистребимым одесским прононсом без предисловий осведомился:

– Г-гажданин Безгодный? К нам поступила инфогмация, что вы таки пгодолжаете культивировать чуждые советскому человеку и запгещенные на теггитогии СССГ виды спогта!

Недоуменный вопрос застыл у Ник-Ника на губах; в представлениях не было нужды, содержание услышанной фразы вкупе с произношением рекомендовало собеседника полнее и надежнее визитной карточки с вензелями и золотым обрезом.

– Таки да, пгодоляю, – сказал он. – Ущипни меня, Фима! Это правда ты?

Ефим Моисеевич ответил в том смысле, что это таки он, собственной персоной, но ущипнуть Ник-Ника у него нет никакой возможности: он на секундочку не Моссад, чтобы щипать людей за филейные части через весь Великий, он же Тихий, океан, не говоря уже о старушке Атлантике.

Далее выяснилось, что Фима разыскал его не просто так, а по делу. До него, видите ли, дошли слухи, что воспитанник старого знакомого стал чемпионом России по боям без правил. Это, заявил Ефим Моисеевич, очень хорошо, поскольку он со своей стороны в данный момент, помимо всего прочего, является менеджером чемпиона мира по этим самым боям, небезызвестного и широко прославленного Джимми Фаррелла по прозвищу Бешеный Бык Фаррелл. Как говорится, у вас товар, у нас купец – ну, или наоборот, как вам больше нравится. Так вот, не сравнить ли нам наших бойцовых петушков и не посмотреть ли, какой с этого события можно снять навар?

Ник-Ник оправился от шока на удивление быстро: это уже был деловой разговор, в котором не место охам, ахам и прочим изумленным междометиям. Ясно, о том, чтобы переплюнуть Фиму Штейнбока, нечего было и мечтать: в этом виде спорта они выступали в разных весовых категориях. Но за последние годы Ник-Ник тоже основательно поднаторел в тонком искусстве набивания себе цены, и, поторговавшись, старые приятели пришли к взаимовыгодному соглашению.

Последний телефонный разговор между ними состоялся сегодня утром – если быть точным, глубокой ночью, в самом начале четвертого. По ходу этого разговора Ник-Ник заверил старого приятеля и новоявленного делового партнера в том, что дела идут как по маслу. Видимо, что-то было не в порядке с его бодряческим тоном, потому что, выслушав его, Штейнбок кисло, с явным сомнением в голосе обронил: «Правда? Ну-ну...» Безродный усилием воли, как когда-то на ринге, заставил себя обозлиться и в лучших традициях их старой дружбы послал драгоценного Фиму ко всем чертям. Штейнбока это, казалось, успокоило, и, осознав это, Ник-Ник едва сдержал горький смешок: Фима был умный еврей, в высшей степени деловой человек, но он никогда всерьез не занимался спортом и о спортсменах судил в основном по своему тупому, как самый настоящий бык, подопечному. Безродного он считал простым и прямолинейным, как гриф штанги, и на этом основании наивно принимал бурные проявления эмоций с его стороны за признак полной искренности.

Вот чудак!

Разумеется, Ефим Моисеевич просто не был бы настоящим сыном еврейского народа, если бы не подпортил собеседнику настроение от одержанной им маленькой победы. То есть сама по себе новость была хорошая: Фима сообщил, что ставки на подпольном тотализаторе поднялись уже до трех к одному в пользу претендента и против действующего чемпиона, – но она лишний раз напомнила Ник-Ник о проблемах, к решению которых он пока не приблизился ни на шаг.

После такой встряски не могло быть и речи о том, чтобы вернуться в постель и спать, пока не зазвонит будильник. Безродный вышел в Интернет и без труда убедился, что старина Фима не солгал. Более того, за то время, что они болтали, ставки против действующего чемпиона поднялись до четырех к одному и продолжали расти прямо на глазах.

Это выглядело вполне закономерно. Фарреллу было уже за сорок, и даже на заре своей карьеры он был больше шоуменом, чем бойцом. В последнее время он окончательно распоясался, много пил и еще больше ел, не забывая попутно встречать в громкие скандалы, которые сплошь и рядом сам же и затевал. Те, которые затеял не он, были инспирированы дру-

гом Фимой, который на чужбине, судя по всему, изрядно поднаторел по части черного пиара. Теперь он, честно выполняя свои договорные обязательства, вкалывал как проклятый, убеждая спортивную общественность в том, что его подопечный – колосс на глиняных ногах, которого достаточно ткнуть пальцем, чтобы он завалился.

Упрекнуть Ефима Моисеевича, таким образом, было не в чем, и именно это было хуже всего.

Скрипнув зубами от бессильной злости (хорошо им вертеть дела в своей Америке, где каждый с пеленок знает, что мериллом всех ценностей является доллар, а пусть бы попробовали делать бизнес с этим упрямым дагестанским ишаком!), Ник-Ник отправился заваривать кофе.

Неудивительно, что после всех своих утренних треволнений на Белова он наехал намного резче и жестче, чем того требовали интересы дела. Белов – парень добрый, без камня за пазухой, но небольшого ума. Никаких задних мыслей он, конечно же, не имел – ему их просто негде прятать – и скользкий разговор о договорных матчах затеял бескорыстно, исключительно с целью поделиться с коллегой общеизвестной информацией, которой тот, к его удивлению, не обладал. Редкий дурак упустит случай продемонстрировать окружающим свое умственное превосходство, и Вася Белов – не исключение из этого правила. А с другой стороны, пусть не суется в чужие дела, потому что объективно услугу, которую он чуть было не оказал Дугоеву, иначе, чем медвежьей, не назовешь...

Вздыхнув, Ник-Ник резким, уверенным движением задернул на груди «молнию» старомодной шерстяной мастерки. Проблем хватало, но когда, спрашивается, он испытывал в них недостаток? На то и даны человеку ум и воля, чтобы преодолевать трудности и одерживать верх над самыми неблагоприятными обстоятельствами. Это – первая заповедь настоящего спортсмена, и Николай Николаевич не собирался от нее отступить.

Он уже двинулся в сторону двери, что вела в спортзал, когда в раздевалку с шумом ворвался и едва не упал, поскользнувшись на кафельном полу, встрепанный, с глазами на поллица, охранник.

– Скорее! – борясь с одышкой, едва выговорил он. – Ну, скорей же! Там... там...

Его дрожащая рука с вытянутым указательным пальцем тыкала в сторону вестибюля. Ник-Ник устремился в указанном направлении и еще в коридоре увидел пляшущие на стенах оранжевые отсветы бушующего где-то снаружи, на улице, пожара. Пулей пронесшись через пустой вестибюль, Безродный всем телом распахнул дверь, выскочил на крыльцо и остановился: спешить было уже некуда.

На стоянке перед спортивно-развлекательным комплексом чадно и весело горел спортивный «ниссан» Марата Дугоева, и было невооруженным глазом видно, что тушить его уже поздно.

– Ну, не суки? – устало и обреченно сказал он обнаружившемуся рядом охраннику, сунул руки в карманы и, ссутулившись, побрел обратно в раздевалку.

* * *

Преодолев огромный путь почти через всю Россию, пройдя множество проверок и уже не впервые удачно сыграв в орлянку со злодейкой судьбой, мощный седельный тягач медленно въехал на территорию подмосковного логистического центра, волоча за собой цельнометаллический большегрузный полуприцеп, в просторечье именуемый фурой. Одетая в хромированный дырчатый кожух выхлопная труба извергала в блекло-голубое сентябрьское небо клубы черного дыма, на сверкающей решетке далеко выступающего вперед радиатора красовалось гордое имя «Катерпиллер», стяжавшее славу на таких же бескрайних, как российские дороги, но куда более благоустроенных американских федеральных шоссе.

Устало вздохнув пневматическими тормозами, тягач остановился у погрузочной рампы склада номер восемь – огромного, выкрашенного в серебристый цвет полукруглого в сечении ангара, способного без труда вместить в себя содержимое нескольких железнодорожных составов. Водитель заглушил двигатель и с чувством выполненного долга закурил сигарету. Его разбуженный пять минут назад напарник, зевая и почесываясь, выгреб из бардачка сопроводительные документы на груз и отправился улаживать формальности. Водитель сладко потянулся, предвкушая долгожданный отдых в чистой постели, которая не трясется, никуда не едет и вообще ведет себя так, как полагается нормальному человеческому спальному месту. Он честно выполнил свою нелегкую работу, доставив ценный груз на место точно в оговоренный контрактом срок, и теперь между ним и солидной премией не стояло ничего, кроме долгой обратной дороги.

В боковом зеркале маячила неизвестно откуда взявшаяся грузовая «ГАЗель» с белой кабиной и затянутым синим клеенчатым тентом кузовом. Номера на полуторке были московские; около нее, покуривая и деликатно сплевывая в сторонку, отирались двое крепких, коротко стриженных ребят в кожаных пиджаках. Водитель видел их несколько раз в придорожных кафе и на площадках для отдыха. Они ехали в джипе, что сопровождал его машину от самого Якутска. В полуприцепе, если верить накладной, было технологическое оборудование, то есть какие-то станки. Зачем кому-то понадобилось сопровождать это железо через всю страну, водитель не знал, да его это и не сильно интересовало, особенно теперь, когда долгий путь остался позади и стало ясно, что ребята на черном джипе всю дорогу именно охраняли груз, а не пасли машину с целью его присвоения.

На рампе появился напарник в сопровождении какого-то хмурого толстяка в красно-зеленом рабочем комбинезоне и белой строительной каске – надо понимать, кладовщика. Ветерок трепал желтоватые листки накладных; накладные держал в руках кладовщик, из чего следовало, что формальности улажены надлежащим образом и разгрузки не придется ждать несколько мучительно долгих суток.

Вслед за ними на рампу вышел бородатый костлявый мужик в замасленном синем комбинезоне и оранжевой каске, огляделся, дымя коротеньким окурком, сплюнул на бетон и скрылся внутри склада. Через минуту створки ворот плавно разъехались, и оттуда, тарахтя дизельным движком и плюясь дымом, выкатился желтый в черную полосу погрузчик. Водитель погасил окурком в пепельнице, спустился из кабины на грешную землю и вдвоем с напарником распахнул опломбированные двери полуприцепа. Водитель погрузчика газанул, направив свой тарахтящий агрегат вглубь кузова, протяжно заняла гидравлика, и погрузчик, пятась, выволок из полуприцепа поддетый на стальные рога подъемника деревянный ящик. На ящике красовались набитые черной краской по трафарету условные обозначения: рюмка, означающая, что внутри находится нечто хрупкое, зонтик под косым дождем, призывающий беречь содержимое ящика от влаги, и косая молния, прозрачно намекающая на возможность получить удар током при неосторожном обращении с грузом. Помимо этих пиктограмм, деревянные бока ящика украшали надписи «НЕ БРОСАТЬ! ТОЧНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ!», «НЕ КАНТОВАТЬ!» и сопровождаемая указующей стрелкой надпись «ВЕРХ».

Вслед за первым ящиком в сумрачных глубинах складского ангара скрылся второй, за вторым третий. На четвертом водителя погрузчика остановил один из приехавших на джипе сопровождающих, коротко о чем-то переговорил, показал какие-то бумаги; водитель кивнул в сторону кладовщика, бумаги были предъявлены последнему, тот в свою очередь кивнул, и водитель снова дал газ, сделав дальнейшие переговоры невозможными.

Пока шла разгрузка, напарник водителя фуры затеял какую-то беседу с кладовщиком, а сам водитель, чтобы скоротать время, спросил о чем-то одного из сопровождающих. Поначалу тот отвечал хмуро и односложно, провояжая внимательным взглядом каждый появляющийся из полуприцепа ящик, но, когда выяснилось, что в Якутске у них имеются общие знакомые,

разговор пошел веселее. Потом он прервался: восемнадцатый по счету ящик после детальной сверки длинного порядкового номера вместо склада был направлен в кузов «ГАЗели», которая, подкравшись задним ходом, скромно пристроилась к рампе рядом с фурой, со стороны напоминая карманную собачку чихуа-хуа, едящую из одной миски с мастиффом.

С точки зрения водителя, все до единого ящики в полуприцепе выглядели одинаково – даже не как близнецы, а как самые настоящие клоны. Друг от друга они отличались разве что нанесенными черной краской по трафарету порядковыми номерами; в общем и целом все это напоминало пачку купюр одного достоинства, и водителя фуры слегка удивило упорство, с которым ребята в кожаных пиджаках четырежды проверили по бумажке номер загруженного в «ГАЗель» ящика, прежде чем дали наконец отмашку сидящему за ее рулем усатому гражданину откровенно нерусской национальности. Создавалось впечатление, что парни старательно выбирали из пачки фальшивых банкнот одну настоящую; все это выглядело достаточно странно, но умудренный богатым жизненным опытом дальнбойщик решил не вдаваться в явно излишние подробности: меньше знаешь – крепче спишь.

Полуторка укатила, гроыхая плохо закрепленными бортами, хлопая синим тентом и увозя в кузове оплаченный свободно конвертируемой валютой токарно-фрезерный станок с числовым программным управлением, заключенный в простой ящик из занозистых сосновых досок. За ней в пешем строю отбыли стриженные владельцы одинаковых кожаных пиджаков, оставив водителя фуры в компании напарника наблюдать за окончанием разгрузки. Молодой напарник попытался удовлетворить разбуженную их странным поведением любознательность, но водитель процитировал небезызвестную поговорку, описывающую тонкую взаимосвязь недостатка информации и крепкого ночного сна, и напарник увял.

Черный джип нагнал «ГАЗель» в километре от Кольцевой. Полуторка стояла в дорожном кармане, потихонечку капая черным маслом на грязно-серый асфальт. Вскоре на стоянку, мигая оранжевым указателем поворота, въехал еще один внедорожник – серебристый «мерседес-МЛ». Из него выбрались и неторопливо направились навстречу экипажу черного джипа два рослых, как они, и таких же плечистых гражданина в строгих деловых костюмах и белых рубашках с однотонными галстуками. Оружия видно не было, но мизансцена сама по себе прозрачно намекала на его скрытое присутствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.